2 руб.

Агата Кристи

ВИДЛА

(Белый конь)

...Он очень хорошо знал свой район и пошел напрямик по узенькой улочке... Может, он и слышал позади чьи-то шаги, но... мало ли кто идет по улице! Его оглушил тяжелый удар по голове...

Ставропольское
книжное
издательство
1990

Агата Кристи

Вилла «Белый конь»

Ставропольское книжное издательство
1990

ББК 84.4-44
К 82

По заказу кооператива «Контракт» и Краснодарского филиала НПО «Прогностика» АН СССР.

К $\frac{4703000000}{М\ 159(03)-90}$ без объявл.
ISBN 5-7644-0568-8

© Оформление. «Контракт», 1990

Глава I

Рассказывает Марк Истербрук

1

Автомат «Эспрессо» шипел у меня за спиной, как рассерженная змея.

Я помешивал в чашке. От нее шел душистый запах кофе.

— Закажете еще что-нибудь? Сандвич с ветчиной и бананом?

Такое сочетание показалось мне не совсем обычным. Бананы у меня связаны с детством. Ветчина в моем представлении вяжется только с яичницей. Однако с волками жить — по-волчьи выть: в Челси* принято есть бананово-ветчинные сандвичи и я не стал отказываться.

«Эспрессо» зашипел снова. Я заказал еще кофе и огляделся. Сестра постоянно корит меня за мою ненаблюдательность, за то, что я ничего вокруг себя не замечаю. «Ты всегда уходишь в себя»,— говорит она осуждающе. И сейчас с сознанием исполненного долга я принялся внимательно следить за всем вокруг. Каждый день в газетах непременно промелькнет что-нибудь о барах Челси и их посетителях, и вот мне подвернулся случай составить собственное мнение о современной жизни.

В кафе царил полумрак, и я с трудом мог что-нибудь разглядеть. Посетители, в основном молодежь, являли собой тот тип молодых людей, которых называют битниками. Девушки выглядели весьма неряшливо и были слишком тепло одеты. Я уже это заметил, когда несколько недель назад обедал с друзьями в ресторане. Девице, которая сидела тогда рядом со мной, было лет двадцать. В ресторане все изнывали от жары, а она вырядилась в желтый шерстяной свитер, черную юбку и шерстяные черные чулки. Мои друзья находили ее очень интересной. Я не разделял их мнения. Это, наверное, показывает, как я отстал от жизни. Ведь я с удовольствием вспоминаю женщин Индии, их строгие прически, яркие сари, ниспадающие благородными складками, грациозную походку...

Меня отвлек от этих приятных воспоминаний неожиданный шум. Две молодые женщины за соседним столом затеяли ссору. Их кавалеры пытались утихомирить своих подруг, но тщетно.

Девицы перешли на визг. Одна дала другой пощечину, а та стащила ее со стула. Они начали драться, как две базарные торговки, награждая друг друга бранью. Одна была рыжая, и волосы у нее торчали во все стороны, другая — блондинка со спадающими на лицо длинными прядями.

Из-за чего началась ссора, я так и не понял. Посетители же сопровождали ее поощрительными возгласами и мяуканьем.

— Молодец! Так ее, Лу!

Хозяин выбежал из-за стойки и пытался унять противниц.

— Ну-ка, довольно! Сейчас вся улица сбежится. Не хватает еще полиции. Перестаньте, вам говорят!

Но блондинка вцепилась рыжей в волосы, крича при этом:

— Дрянь! Отнимаешь у меня дружка!

— Сама дрянь!

Девиц разняли. У блондинки в руках остались рыжие пряди. Она злорадно потрясла ими в воздухе и бросила на пол.

---

* Челси — район Лондона, излюбленный район богемы.

Входная дверь отворилась. На пороге кафе появился представитель власти в синей форме. Он величественно произнес:

— Что здесь происходит?

Все кафе встретило врага единым фронтом.

— Просто веселимся,— сказал один из молодых людей.

— Правда,— добавил хозяин.— Дружеские забавы.

Он незаметно затолкал клоки волос под соседний столик. Противницы улыбались друг другу с притворной нежностью.

Полисмен недоверчиво оглядел кафе.

— Мы как раз уходим,— сказала блондинка сладким голоском.— Идем, Даг.

По случайному совпадению еще несколько человек собирались уходить. Страж порядка мрачно взирал на них. Его взгляд ясно говорил, что на сей раз им, так и быть, сойдет с рук, но он возьмет их на заметку. Потом он с достоинством удалился.

Кавалер рыжей девицы уплатил по счету.

— Как вы, ничего? — спросил хозяин у рыжей, которая повязывала голову шарфом.— Лу вас крепко угостила — вон сколько волос выдрала.

— А я и боли-то никакой не почувствовала,— беззаботно отозвалась девица.

Она улыбнулась ему:

— Уж вы нас простите за скандал.

Компания ушла. Кафе почти опустело. Я поискал в карманах мелочь.

— Все равно она молодчина,— одобрительно сказал хозяин, когда дверь закрылась. Он взял щетку и замел рыжие волосы в угол.

— Да, боль, должно быть, адская,— ответил я.

— Я бы на ее месте не вытерпел, взвыл,— признался хозяин.— Но она молодец, молодец Томми.

— Вы хорошо ее знаете?

— Да, она чуть не каждый вечер здесь. Такертон ее фамилия. Томазина Такертон. А здесь ее Томми Такер зовут. Денег у нее до черта. Отец оставляет ей все наследство, и что же она, думаете, делает? Переезжает в Челси, снимает какую-то конуру около Уондсворт Бридж и болтается со всякими бездельниками. Одного не могу понять: почти вся эта шайка — люди с деньгами. Все на свете им по карману, могут жить хоть в отеле «Рец». Да только, похоже, такое вот жилье им больше по нраву. Чего не пойму, того не пойму.

— А вы бы что делали на их месте?

— Ну, я-то знаю, как с денежками поступать,— отвечал хозяин.— А пока что мне пора закрываться.

Уже на выходе я спросил, из-за чего произошла эта ссора.

— Да Томми отбивает у той девчонки дружка. И уж поверьте, не стоит он того, чтобы из-за него драться.

— Вторая девушка, похоже, думает, что стоит,— заметил я.

— Лу — очень романтичная,— снисходительно сказал хозяин.

Я себе представляю романтику немного иначе, но высказывать своих взглядов не стал.

2

Должно быть, через неделю после этого я просматривал «Таймс». Мое внимание привлекла знакомая фамилия — это было объявление о смерти.

«2 ОКТЯБРЯ В ФОЛЛОУФИЛДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ (ЭМБЕРЛИ) В ВОЗРАСТЕ 20 ЛЕТ СКОНЧАЛАСЬ ТОМАЗИНА ЭНН ТАКЕРТОН, ЕДИНСТВЕННАЯ ДОЧЬ ПОКОЙНОГО ТОМАСА ТАКЕРТОНА, ЭСКВАЙРА ИЗ КЭРРИНГТОН-ПАРК, ЭМБЕРЛИ, СЭРРЕЙ, НА ПОХОРОНЫ ПРИГЛАШАЮТСЯ ЛИШЬ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ. ВЕНКОВ НЕ ПРИСЫЛАТЬ».

Ни венков бедной Томми Такер, ни веселой жизни в Челси. Мне вдруг стало жаль многочисленных Томми Такер наших дней. Но я напомнил себе, что, быть может, я и не прав. Кто я такой, чтобы считать их жизнь бессмысленной? И я решил не думать больше о Томми Такер. Потом я вышел на Кингз Роуд, остановил такси и отправился к своей приятельнице, миссис Ариадне Оливер.

Миссис Оливер была известна как автор детективных романов. Ее покой охраняла горничная Милли, поднаторевший в схватках с внешним миром дракон.

Я вопросительно взглянул на нее.

— Идите прямо наверх, Марк,— сказала она.

Я поднялся по лестнице, постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. Миссис Оливер в состоянии, близком к помешательству, шагала взад и вперед по комнате, бормоча что-то себе под нос. Она взглянула на меня отсутствующим взглядом.

— Почему?? — вопрошала миссис Оливер, ни к кому не обращаясь.— Почему этот идиот не сказал сразу, что он видел какаду? Почему? Но если он скажет — погиб весь сюжет. Как же выкрутиться? А тут еще эта Моника. Такая дура. Наверно, имя не то. Нэнси? Или, может, Джоан? Всех всегда зовут Джоан. Или Энн, Сьюзан? Уже была. Лючиа. Рыжая. Толстый свитер. Черные чулки...

Миссис Оливер глубоко вздохнула.

— Я рада, что это вы.

— Спасибо.

— А то мог бы прийти невесть кто. Какая-нибудь дуреха — просить меня участвовать в благотворительном базаре, или же страховой агент — застраховать Милли, а она не желает. Или кто-нибудь брать интервью. А я никогда не знаю, что отвечать. Хотя все это в общем ерунда, и вот я с ума схожу из-за моего какаду.

— Не получается? — спросил я сочувственно.— Может, мне лучше уйти?

— Не уходите. Вы хоть немного меня отвлекли.

Я покорно воспринял этот сомнительный комплимент.

— Хотите сигарету?

— Спасибо, у меня есть. Курите. Хотя нет, вы ведь не курите.

— И не пью,— отвечала миссис Оливер.— А жаль. Ведь американские сыщики пьют. И, кажется, это помогает им сразу же расправляться с любыми трудностями. Знаете, Марк, по-моему, в жизни убийца никогда не сможет замести следы.

— Ерунда. Вы сколько раз сочиняли книги про убийства?

— По крайней мере пятьдесят пять раз. Сочинить убийство легко, трудно придумать, как его скрыть. И чего мне это стоит,— мрачно продолжала миссис Оливер.— Говорите что угодно, а ведь нельзя поверить, будто пять или шесть человек могут находиться около места преступления, когда А. убивают, а у всех у них есть основания для убийства.

— Я понимаю, как вам трудно,— сказал я.— Но раз вы справлялись пятьдесят пять раз, справитесь и теперь.

— Вот и я это себе говорю, но сама не верю. Мученье какое-то.

Она снова схватилась за голову и стала дергать прядку волос надо лбом.

— Перестаньте,— воскликнул я.— Вы ее так, пожалуй, вырвите с корнем.

— Ерунда,— заявила миссис Оливер.— Не так-то это просто. Вот когда я болела корью в четырнадцать лет, и у меня была очень высокая температура, тогда они у меня лезли клочьями — все волосы надо лбом выпали. Так было обидно. И целых шесть месяцев прошло, пока снова отросли. Для девочки это такой ужас. Я вчера об этом вспоминала, когда была в больнице у Мэри Делафонтейн. У нее сейчас также лезут волосы, как тогда у меня. Мэри говорит, что ей придется носить накладку, когда поправится. В шестьдесят лет уже так легко не отрастают.

— А я на днях видел, как одна девушка вырывала волосы у другой прямо с корнем,— сказал я.

— Где?

— В одном кафе в Челси.

— Ах, Челси! Ну, там, наверное, всякое может случиться. Битники и битлы, и разбитое поколение, и все такое. Я про них не пишу, боюсь перепутать названия. Уж лучше писать о том, что знаешь. Спокойнее. И все-таки пригласили бы вы меня разок в какой-нибудь бар в Челси, я бы там набралась новых впечатлений.

— Когда прикажете. Может, сегодня?

— Нет, сегодня ничего не выйдет. Мне надо писать. Скажите, Марк, как по-вашему, можно убивать на расстоянии?

— Что значит на расстоянии? Нажать кнопку и послать смертоносный радиоактивный луч?

— Нет, я не о научной фантастике. Я о черной магии.

— Восковая фигурка — и булавку в сердце?

— Восковые фигурки теперь не в моде,— презрительно заметила миссис Оливер.— Но ведь случаются всякие странные вещи — в Африке, в Вест-Индии туземцы насылают друг на друга смерть, в общем вы знаете, про что я говорю.

Я ответил, что сейчас многое пытаются объяснять силой внушения.

Миссис Оливер негодующе фыркнула.

— Пусть кто-нибудь попробует мне внушить, что я обречена сейчас же лечь и умереть, я им назло не стану!

Я рассмеялся.

— Что у вас за мысли сегодня? Новый шедевр будет об убийстве силой внушения?

— О нет! Что-нибудь привычное, вроде мышьяка, мне больше подходит. Но вы пришли не для того, чтобы разговаривать о моих книжках.

— По правде говоря — не для этого. Просто моя двоюродная сестра Роуда Деспард устраивает благотворительный праздник и...

— Ни за что!— отрезала миссис Оливер.

— Да ведь все, что вам придется делать,— это сидеть в палатке и надписывать свои книги по пять шиллингов за автограф.

— Ну, это бы еще ничего,— с сомнением произнесла миссис Оливер.— А мне не придется открывать праздник? Или говорить всякие глупости? И надевать шляпу?

Я заверил ее, что ничего этого ей делать не придется.

— И всего-то займет у вас час или два,— уговаривал я.— А потом, наверно, сразу начнется крикет, хотя нет, время года неподходящее. Ну, игры для детей, наверное. Или маскарад с призом за лучший костюм.

Миссис Оливер прервала меня, закричав:

— Конечно! Вот то, что надо! Мяч для крикета! Как хорошо, что вы пришли, Марк. Вы замечательный. А теперь быстренько уходите. Прямо сейчас же.

Глава II

I

Миссис Джерати открыла дверь и грозно спросила:

— Ну, что тебе нужно?

На пороге стоял мальчик — обыкновенный мальчишка, каких много. Он громко сопел — видно, у него был насморк.

— Священник здесь живет?

— Тебе отец Горман нужен?

— Меня за ним послали,— отвечал паренек.

— А кому это понадобилось и зачем?

— В доме двадцать три. На Бетналл-стрит. Там какая-то женщина помирает. Вот меня миссис Коппинз и послала. За католическим священником. Другие не годятся.

Миссис Джерати велела мальчику подождать, и через несколько минут появился старик священник с маленьким кожаным саквояжем в руке.

— Я отец Горман,— сказал он.— Бетналл-стрит? Это возле сортировочной станции?

— Ага. Совсем рядом.

Они зашагали по улице.

— Ты говоришь, миссис Коппинз? Так ее зовут?

— Она — хозяйка дома. Комнаты сдает. А помирает жиличка. Дэвис, что ли, ее фамилия.

— Дэвис? Нет, не припомню.

— Да она из ваших будет. Католичка. Пастора, говорит, мне не зовите.

Священник кивнул. Они быстро дошли до Бетналл-стрит. Мальчик указал на невысокий мрачный дом в ряду таких же невысоких и мрачных домов.

— Вот он.

— А ты не пойдешь со мной?

— Да я не здесь живу. Просто миссис Коппинз дала мне шиллинг, чтобы я за вами сбегал.

Дверь дома № 23 отворилась, и миссис Коппинз, высокая краснолицая женщина, пригласила священника войти.

— Пожалуйста, пожалуйста. Она совсем плоха. Ей бы надо в больницу, я уж звонила-звонила — да разве они когда приедут вовремя? У моей сестры муж ногу сломал, так шесть часов ждали, пока приехали. А еще здравоохранение называется. Денежки берут, а когда понадобится — ищи их, свищи!

— Что с ней?

— Да гриппом болеет. И вроде ей уже лучше было. Рано вышла. Значит, приходит она вчера вечером — краше в гроб кладут. Легла. Есть ничего не стала. Доктора, говорит, не нужно. А нынче утром гляжу — бьет ее лихорадка. На легкие перекинулось.

— Воспаление легких?

Миссис Коппинз кивнула. Она открыла дверь, пропустила отца Гормана в комнату и, сказав: «Вот к вам и священник пришел. Уж теперь-то все будет хорошо», удалилась.

Отец Горман подошел к больной. В комнате, обставленной старомодной мебелью, было чисто прибрано. Женщина в кровати у окна с трудом повернула голову. Священник с первого взгляда понял, что она тяжело больна.

— Вы пришли... Времени осталось мало...— она говорила с трудом, задыхаясь.— Злодейство... Мне нужно... нужно... Я не могу так умереть... Исповедаться в моем... тяжком грехе...

Полузакрытые глаза блуждали.

Отец Горман подошел совсем близко. Умирающая женщина заговорила снова:

— Положить конец... Остановить их... Обещайте...

Немного погодя приехали одновременно доктор и карета «Скорой помощи». Миссис Коппинз встретила их с мрачным торжеством.

— Как всегда, опоздали!— возвестила она.— Больная умерла.

2

Отец Горман возвращался домой. Вечерело. Опускался туман, становился все гуще и гуще. Священник озабоченно хмурился. Невероятная, небывалая история! В какой-то мере, быть может, порождение лихорадочного бреда. Есть в ней и правда, бесспорно, но что правда, а что вымысел? Тем не менее нужно записать имена, пока они еще свежи у него в памяти.

Он зашел в маленькое кафе, сел за столик и заказал чашку кофе. Пошарил в карманах. Ох, уж эта миссис Джерати — ведь просил же он ее зашить карман! Не зашила, конечно. Записная книжка, карандаш и мелочь провалились в подкладку. Он с трудом выудил несколько монеток и карандаш, а достать записную книжку не удалось. Принесли кофе, и он попросил листок бумаги. Ему предложили рваный бумажный пакет. Он начал писать фамилии — главное, не забыть фамилии. У него обычно они так быстро улетучиваются из памяти.

Дверь кафе отворилась, вошли трое молодых людей и с грохотом уселись за столик.

Отец Горман кончил писать, сложил бумажку и уже хотел опустить ее в карман, как вдруг вспомнил про рваную подкладку. И тогда он сделал то, что ему приходилось делать частенько,— положил записку в башмак.

Вошел какой-то человек и тихо сел за столиком в углу. Отец Горман отпил немного жидкого кофе, попросил счет, расплатился и покинул кафе.

Посетитель, который сидел в углу, вдруг взглянул на часы, поднялся и поспешно вышел.

Туман сгущался. Отец Горман ускорил шаг. Он очень хорошо знал свой район и пошел напрямик по узенькой улочке вдоль железнодорожных путей. Может, он и слышал позади чьи-то шаги, но не придал им никакого значения. Мало ли кто идет по улице?

Его оглушил тяжелый удар по голове. Отец Горман пошатнулся и упал...

3

Доктор Корриган вошел в кабинет инспектора полиции Лежена.

— Я разобрался с вашим падре.

— Какие результаты?

— Медицинские термины мы прибережем для следователя. Убит ударом тяжелого предмета по голове. Погиб, по всей вероятности, после первого удара, но убийца добавил еще для верности. Мерзкая история.

— Да,— ответил Лежен.

Это был коренастый человек, темноволосый, с серыми глазами. На первый взгляд он казался очень спокойным, но иногда выразительная жестикуляция выдавала его происхождение — предки Лежена были французские гугеноты.

Он сказал задумчиво:

— Убийство с ограблением.

— Разве его ограбили?

— Похоже на то. Карманы были вывернуты и подкладка сутаны вся изрезана.

— На что они могли рассчитывать?— удивился Корриган.— Большинство этих приходских священников бедны, как церковные крысы. Впрочем, напрашиваются два возможных ответа. Один — что действовал молодой убийца, который совершает преступление просто во имя жестокости,— таких немало, к сожалению.

— А второй ответ?

Доктор пожал плечами.

— Кто-то затаил против вашего отца Гормана злобу. Могло так быть?

Лежен покачал головой.

— Вряд ли. Его здесь все любили. И врагов у него не было. И грабить вроде бы нечего. Разве...

— Что разве? — спросил Корриган.— У полиции есть свои соображения?

— У него была записка, которую убийца не нашел. Записка оказалась в башмаке.

Корриган свистнул.

— Какая-то шпионская интрига!

Лежен улыбнулся.

— Все гораздо проще. У него в кармане была дыра. Сержант Пайн разговаривал с экономкой. Похоже, довольно неряшливая особа. Не следила за его одеждой, не чинила вовремя. Она подтвердила, что отец Горман имел привычку засовывать письма и бумаги в башмак, чтобы они не проваливались сквозь дыры в карманах.

— А убийца об этом не знал?

— Ему такое и в голову не пришло. Если только он охотился именно за этим клочком бумаги, а не за несколькими мелкими монетками.

— А что там в записке?

Лежен открыл ящик стола и вытащил оттуда смятую бумажку.

— Просто несколько фамилий,— сказал он.

Корриган стал читать.

— Ормерод, Сэндфорд, Паркинсон, Хескет-Дюбуа, Шоу, Хармондсворт, Такертон, Корриган? Делафонтейн?

Он удивленно поднял брови.

— Откуда я в этом списке?

— Вам эти фамилии что-нибудь говорят? — спросил инспектор.

— Ни одной не знаю.

— И никогда не встречали отца Гормана?

— Нет.

— Значит, особой помощи от вас ждать не приходится.

— Есть какие-нибудь догадки насчет этого списка?

Лежен уклонился от прямого ответа.

— Какой-то мальчишка пришел к отцу Горману около семи вечера. Сказал, что одна женщина при смерти и просит позвать священника. Отец Горман пошел вместе с мальчиком.

— Куда? Вам известно?

— Известно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы выяснить. Бетналл-стрит, дом 23. Больную звали миссис Дэвис. Священник пришел туда в четверть восьмого и пробыл около получаса. Миссис

Дэвис умерла как раз перед приездом кареты «Скорой помощи» — ее хотели отправить в больницу.

— Понятно.

— Дальше следы отца Гормана привели в маленькое захудалое кафе. Место вполне приличное, ничего плохого там не случается, кормят скверно, посетителей всегда мало. Отец Горман заказал чашку кофе. Потом, видно, он поискал у себя в карманах, не нашел того, что ему было нужно, и попросил у хозяина листок бумаги. Вот он, этот листок.— Инспектор указал на смятую записку.

— А потом?

— Когда хозяин подал кофе, священник что-то уже писал. Он очень скоро ушел, к кофе почти не прикоснулся (и за это я его не виню), а записку положил в башмак.

— Кто еще был в кафе?

— Трое парней пришли после него, и еще какой-то пожилой человек, он уселся за другой стол в углу. Он так ничего и не заказал и скоро ушел.

— Пошел следом за священником?

— Может быть. Хозяин не видел, как он вышел. Описал его как ничем не примечательного человека. Почтенный с виду. Ничего особенного во внешности. Среднего роста, пальто то ли синее, то ли коричневое. Волосы не темные, не светлые. Может, не имеет к этому делу никакого отношения. Трудно сказать. Он еще не явился к нам рассказать, что видел священника в кафе,— мы просили всех, кто видел отца Гормана от без четверти восемь до четверть девятого, сообщить нам. Пока что пришли только двое: одна женщина и владелец аптеки неподалеку отсюда. Сейчас я их допрошу. Тело священника нашли в четверть девятого два маленьких мальчугана. На Уэст-стрит — знаете, где это? Закоулок, по одну сторону проходит железная дорога. Остальное вам известно.

Корриган кивнул и похлопал рукой по бумажке.

— Что вы об этом думаете?

— По-моему, это важная улика.

— Умирающая рассказала ему что-то, и он записал поскорее эти фамилии, боялся забыть. Тут только один вопрос: стал бы он записывать, если бы его связывала тайна исповеди?

— Не обязательно, что они были названы с условием сохранить тайну,— заметил Лежен.— Может, эти имена имеют отношение к какому-нибудь шантажу.

— Вы так думаете?

— Я пока ничего не могу сказать. Это лишь рабочая гипотеза. Допустим, этих людей шантажировали. Покойная либо сама была шантажистка, либо знала о шантаже. Ее мучило раскаяние, она призналась во всем, хотела, чтобы все уладили. Отец Горман взял на себя эту ответственность.

— И дальше?

— Все это только предположения,— сказал Лежен.— Кто-то, скажем, получал от этого доходы и не хотел их терять. Узнал, что миссис Дэвис при смерти и послал за священником. И так далее...

— Интересно,— проговорил Корриган, рассматривая бумажку. — Почему здесь вопросительный знак у двух последних фамилий?

— Отец Горман мог сомневаться, правильно ли он их запомнил.

— Конечно, могло быть Маллиган вместо Корриган,— сказал доктор с усмешкой.— Очень вероятно. Но такое имя, как Делафонтейн, не спутаешь ни с чем, если запомнишь. Странно, что ни одного адреса...

Он снова перечитал фамилии.

— Паркинсон — Паркинсонов полно. Сэндфорд — тоже встречается нередко. Хескет-Дюбуа — язык сломаешь. Такой фамилии не встречал.

Неожиданно он перегнулся через стол и взял телефонную книгу.

— Посмотрим. Хескет... Джон и К°, водопроводчики... Сэр Исидор. Ага! Вот оно! Хескет-Дюбуа, леди, Эллсмер-сквер, 49. А что, если ей сейчас позволить?

— Что мы будем ей говорить?

— Вдохновение подскажет,— беззаботно отвечал доктор Корриган.

— Давайте,— сказал Лежен.

— Что? — удивленно воззрился на него Корриган.

— Я сказал, давайте звонить,— ласково промолвил Лежен.— Что вы так удивились?

Он сам взял трубку.

— Город.

Он взглянул на Корригана.

— Говорите номер.

— Гросвенор, 64578.

Лежен повторил номер в трубку и передал ее Корригану.

— Развлекайтесь,— сказал он.

Слегка растерявшись, Корриган смотрел на инспектора. В трубке долгое время раздавались гудки и никто не отвечал. Наконец послышался женский голос.

— Гросвенор, 64578.

— Это особняк леди Хескет-Дюбуа?

— Э... э... да... то есть...

Доктор Корриган не стал особенно вслушиваться в невнятные звуки.

— Можно попросить ее к телефону?

— Нет, нельзя. Леди Хескет-Дюбуа умерла в апреле.

Обескураженный доктор Корриган повесил трубку, не ответив на вопрос: «А кто это говорит?»

Он холодно взглянул на инспектора Лежена.

— Вот почему вы с такой легкостью разрешили мне туда позвонить!

Лежен хитро усмехнулся.

— В апреле,— задумчиво сказал Корриган.— Пять месяцев назад. Пять месяцев, как ее уже не волнует шантаж или что-то там еще. Она, случайно, не покончила с собой?

— Нет. У нее была опухоль мозга.

— Значит, надо снова браться за этот список,— сказал Корриган, глядя на бумажку.

Лежен вздохнул.

— Ведь, в сущности, неизвестно, какое отношение это убийство имеет к делу. Могло быть обыкновенное нападение в туманный вечер— и почти нет надежды найти убийцу, разве что нам просто случайно повезет...

Доктор Корриган сказал:

— Вы не возражаете, если я еще разок посмотрю на эту записку?

— Пожалуйста. И желаю вам удачи.

— Хотите сказать, что все равно ничего у меня не выйдет? Еще посмотрим! Я займусь Корриганом. Мистер, миссис или мисс Корриган с вопросительным знаком.

Глава III

1

— Да нет, мистер Лежен, больше вроде ничего не припомню. Я ведь уже все сказала вашему сержанту. Не знаю я ни кто она была, миссис Дэвис, ни откуда родом. Она у меня полгода снимала комнату.

Платила вовремя, и вроде была славная женщина, тихая, воспитанная, а уж чего еще вам сказать — не знаю.

Миссис Коппинз перевела дыхание и недовольно посмотрела на Лежена. Он улыбнулся ей кроткой, меланхолической улыбкой, действие которой было проверено не раз.

— Я бы с охотой помогла, если бы что знала,— добавила миссис Коппинз.

— Благодарю вас. Вот это нам и нужно — помощь. Женщины знают больше мужчин — у них какое-то особое чутье.

Ход был верный и оказал свое действие.

— Ах!— воскликнула миссис Коппинз.— Жалко, вас мой муж сейчас не слышит. Он только и повторяет, мол, ты думаешь, ты все знаешь, а на самом-то деле и понятия не имеешь. А ведь девять раз из десяти я права.

— Вот потому-то я и хотел узнать, что вы думаете о миссис Дэвис. Вы не знаете, может, она была несчастлива?

— Как вам сказать? Вроде бы нет. Деловая. Это видно было. Все у нее всегда бывало как надо. Будто заранее все обдумывала. Я так понимаю, работала она, где выясняют, как какие товары идут, чего больше покупают, спрашивают. Эти агенты ходят и узнают у людей, какое мыло они покупают или муку, как свои деньги распределяют на неделю, на что у них больше всего уходит. Про это всем и так давно известно, да вот почему-то нынче прямо помешались — подавай им снова и снова такие сведения. А миссис Дэвис, по правде говоря, для этой работы очень подходила. Славная, нос куда не надо не сует, просто по-деловому расспросит — и все.

— Вы не знаете название фирмы или конторы, где она работала?

— К сожалению, не знаю.

— У нее были родственники?

— Нет. Я знаю, она была вдова и муж ее давно умер. Он вроде долго болел, только она не особенно любила про это рассказывать.

— Она не рассказывала вам, откуда была родом?

— По-моему, не из Лондона. Откуда-то, мне думается, с севера.

— Вы не замечали за ней чего-нибудь...

Лежен сомневался, правильно ли он сделал, заговорив об этом. Если у нее заработает воображение... Но миссис Коппинз не воспользовалась удобным случаем.

— Да нет, не замечала. И уж никогда от нее не слышала ничего такого. Только вот удивительный у нее был чемодан. Дорогой, но не новый. И буквы на нем были ее — Дж. Д., Джесси Дэвис, только они были написаны поверх других. Сперва-то они были Дж. Г., по-моему, не то А. Но мне тогда и в голову ничего не пришло. Хороший подержанный чемодан можно купить совсем дешево, и буквы тогда приходится менять. У нее вещей было — один чемодан.

Лежен это знал. У покойной было очень мало вещей. Не нашлось среди них ни писем, ни фотографий. У нее, по-видимому, не было ни страхового полиса, ни счета в банке, ни чековой книжки. Носильные вещи хорошего качества, скромного покроя, почти новые.

— Она казалась всем довольной? — спросил он.

— Да вроде так.

Инспектор услышал нотку сомнения в голосе миссис Коппинз.

— Вроде?

— Да я об этом как-то не задумывалась. Зарабатывала она неплохо, работа чистая, живи да радуйся. Она была не из болтливых. Но когда заболела...

— А что случилось, когда заболела?

— Сперва она расстроилась. Когда от гриппа слегла. Всю мою работу спутает, говорит. Но грипп — это грипп, на него рукой не махнешь. Пришлось ей лечь в постель, выпила она горячего чаю, аспирин приняла. Я говорю, доктора надо позвать, а она говорит — незачем. При гриппе надо отлежаться в тепле — и все. Поболела она, конечно, ведь грипп, а когда температура у нее спала, то она стала расстроенная какая-то, это тоже часто при гриппе бывает. Сидит, помню, у огня и говорит мне: «Плохо, когда столько времени свободного. Мысли одолевают. Не люблю я особенно о жизни задумываться. Расстраиваюсь».

Лежен был весь внимание, и миссис Коппинз разболталась пуще прежнего.

— Ну, дала я ей, значит, журналов. Но только ей не читалось. И раз она говорит, как сейчас помню: «Лучше о многом не знать, если все не так, как надо, правда?» А я ей: «Да, милочка». А она: «Не знаю. Уверенности у меня никогда не было». А я говорю: ну ничего, ничего. А она: «Я ничего бесчестного не делала. Мне себя упрекнуть не в чем». Я отвечаю, конечно, мол, милочка, а сама подумала, может у нее на работе какие-нибудь делишки обделывают, а она знает, но раз это ее не касается, не вмешивается.

— Возможно,— согласился Лежен.

— Одним словом, поправилась она, почти совсем поправилась, вышла снова на работу. Я ей говорю: рано. Посидите дома еще денек-другой, говорю. И зря она меня не послушалась. Приходит домой на второй день, гляжу, а она вся в жару пылает. Еле по лестнице поднялась. Надо, говорю, доктора позвать, да только она не захотела. И ей становилось все хуже и хуже, глаза не видят, лицо горит, дышит с трудом. А вечером на следующий день еле-еле шепчет: «Священника. Позовите священника. Побыстрее — будет поздно». Ей нужно было не нашего пастора, а католического священника. Я-то не догадывалась, что она — католичка, ни распятия у нее, ничего такого.

Я вижу, на улице мальчишка Майк бегает, послала его за отцом Горманом. И уж решила: ничего ей говорить не стану, а сама позвоню в больницу.

— Вы сами провели к ней священника, когда он пришел?

— Да. И оставила их одних.

— Они что-нибудь говорили?

— Не помню что, только, когда я дверь закрывала, она говорила про какое-то злодейство. Да и что-то про коня — может, это она про скачки, там ведь всегда жульничество.

— Злодейство,— повторил Лежен. Его поразило это слово.

— Они должны признаваться в грехах перед смертью — так ведь у католиков заведено?? Вот она и признавалась, верно.

Лежен не сомневался, что это была предсмертная исповедь, но в его воображении запало слово «злодейство».

Должно быть, страшное это злодейство, если священника, который узнал о нем, выследили и убили...

2

Трое остальных жильцов миссис Коппинз ничего сообщить не могли. Двое из них, банковский клерк и пожилой человек, продавец из обувного магазина, жили здесь уже несколько лет. Третья была девушка лет двадцати двух, которая недавно стала здесь снимать комнату, работала она в универсальном магазине неподалеку. Все трое едва знали миссис Дэвис в лицо.

Женщина, которая видела отца Гормана на улице в тот вечер, тоже ничего сообщить не могла. Она знала отца Гормана, была его прихожанкой. Эта женщина видела, как он свернул на Бетналл-стрит и зашел в кафе приблизительно без десяти восемь. И это было все, что она могла сказать.

Мистер Осборн, владелец аптеки на углу Бартон-стрит, располагал более интересными сведениями.

Это был невысокого роста пожилой человек в очках, с лысой головой и широким простодушным лицом.

— Добрый вечер, инспектор! Проходите!

Лежен прошел за старомодный прилавок и через нишу, где молодой человек в белом халате с ловкостью фокусника разливал лекарства в пузырьки, в маленькую комнату — там стояли два кресла, стол и конторка. Мистер Осборн сел в одно из кресел. Лежен занял другое. Аптекарь наклонился вперед, глаза его блестели от возбуждения.

— Кажется, я смогу вам помочь. Посетителей в тот вечер было немного — погода отвратительная. Мы закрываем в восемь по четвергам. Туман все сгущается, на улице почти никого. Я стоял у дверей и глядел на улицу. В прогнозе погоды сказали, что будет туман. Стою я, значит, у дверей и вижу — отец Горман идет по улице. Я его, конечно, хорошо знаю в лицо. Ужасно, убить такого достойного человека! Вот отец Горман, говорю я себе. Он шел по направлению к Уэст-стрит. А чуть позади него — еще кто-то. Мне бы и в голову тогда не пришло обратить на него внимание, но вдруг он останавливается, как раз у моей двери. Я думаю: что это он остановился? — а потом заметил, отец Горман замедлил шаги. Словно он о чем-то глубоко задумался. Потом он снова пошел быстрее, и тот другой человек — тоже. Я подумал: быть может, он хочет догнать священника, поговорить с ним.

— А на самом деле этот деловек, видно, просто следил за ним?

— Теперь-то я уверен, что было именно так, но тогда это мне в голову не пришло.

— Вы сможете описать этого человека?

Лежен не рассчитывал на сколько-нибудь вразумительный ответ. Он ожидал обычных расплывчатых описаний. Но мистер Осборн оказался из другой породы, чем хозяин маленького кафе.

— Думаю, что да,— уверенно отвечал он.— Это был человек высокого роста...

— Приблизительно какого?

— Ну, около шести футов, не меньше. Хотя он мог казаться выше, чем на самом деле, из-за своей худобы. Покатые плечи, на шее — кадык. Длинные волосы. Большой крючковатый нос. Внешность очень приметная. Конечно, я не мог разглядеть цвет глаз. Понимаете, я его видел в профиль. Возраст — лет пятьдесят. Это видно было по походке, молодые люди движутся совсем иначе.

Лежен мысленно представил себе расстояние от аптеки до противоположного тротуара и задумался. У него возникли очень сильные сомнения.

Рассказ аптекаря мог быть плодом живого воображения — такое

случается часто, особенно когда допрашиваешь женщин. В этих случаях фигурируют невероятные подробности — выкаченные глаза, густые брови, обезьяньи челюсти, свирепое выражение лица. А мистер Осборн рассказал про человека с обычной внешностью. Подобное от свидетелей не часто услышишь.

Лежен задумчиво посмотрел на собеседника.

— Как вы считаете, вы бы узнали этого человека, доведись вам увидеть его снова?

— Конечно,— голос мистера Осборна звучал уверенно.— У меня прекрасная память на лица. Это просто мой конек. Если бы чья-нибудь жена пришла ко мне и купила мышьяка — отравить мужа, я бы мог под присягой заявить на суде, что узнаю ее.

— Но вам не приходилось пока выступать в суде в такой роли?

Мистер Осборн признался, что нет.

— И уж теперь вряд ли придется. Я продаю свое дело. Мне предложили за него хорошие деньги, продам и переселюсь в Борнемут. Нужно идти на отдых, пока ты еще в состоянии наслаждаться жизнью. Я так считаю. Разведу сад. Буду путешествовать — погляжу разные страны, пока еще не поздно.

Лежен поднялся.

— Ну что ж, желаю вам всех благ,— сказал он.— И если до отъезда вы вдруг встретите этого человека...

— Я тотчас же дам вам знать, мистер Лежен. Конечно. Можете рассчитывать на меня. У меня прекрасная память на лица.

Глава IV

Рассказывает Марк Истербрук

1

Я вышел со своей приятельницей Гермией Редклифф из театра «Олд Вик». Мы были на «Макбете».

— Поедем поужинаем в «Фэнтази». Когда смотришь Шекспира — всегда проголодаешься.

По дороге мы рассуждали о «Макбете». Гермия Редклифф — красивая молодая женщина двадцати восьми лет. У нее безупречный классический профиль и густая шапка каштановых волос. Моя сестра называет ее «приятельница Марка», причем так и слышишь многозначительные кавычки. Это меня постоянно выводит из себя.

В «Фэнтази» нас встретили приветливо и провели к столику у стены. Когда мы усаживались, кто-то вдруг радостно нас окликнул. За соседним столом сидел Дэвид Ардингли, преподаватель истории в Оксфорде. Он представил нам свою спутницу, прехорошенькую девушку с модной прической — волосы торчали во все стороны, а над макушкой прядки поднимались под невероятным углом. Как ни странно, прическа ей шла. У девицы были огромные голубые глаза, и рот она держала всегда полуоткрытым. Как и все девушки Дэвида, она была непроходимо глупа. Дэвид, человек редкого интеллекта, почему-то находил удовольствие только в компании красоток совершенно пустоголовых.

— Это моя глубокая привязанность — Пэм! — воскликнул он.— Познакомься с Марком и Гермией. Они очень серьезные и интеллигентные. Держу пари, вы только что с Шекспира или с Ибсена.

— Смотрели «Макбета».

— Ага, ну, как выглядели ведьмы?

— Ужасные,— сказала Гермия.— Как всегда.

— А знаете,— сказал Дэвид,— какими бы у меня были ведьмы, если бы я ставил спектакль?

— Какими?

— Хитрые, тихие старушонки. Как ведьмы у нас в деревнях.

— Но сейчас нет никаких ведьм,— сказала Пэм.

— Ты так говоришь, потому что ты лондонская жительница. В каждой деревне в Англии есть своя ведьма.

— Ты шутишь,— надула губки Пэм.

— Ничуть. Правда, Марк?

— Все эти суеверия давно умерли,— сказала Гермия.

— В глуши они еще живут — как ты считаешь, Марк?

— Может быть, ты и прав,— ответил я.— Хотя сам я не знаю, никогда в деревне не жил.

— Не представляю себе, как можно в «Макбете» показать ведьм обычными старухами. Нужна атмосфера чего-то сверхъестественного,— заметила Гермия.

— Значит,— обратился я к Дэвиду,— у тебя ведьмы бормотали бы свои заклинания, вызывали духов, а сами оставались тремя обычными деревенскими старухами. Что ж, это могло бы действительно произвести сильное впечатление.

— Если можно убедить актеров так играть,— возразила Гермия сухо.

— Шекспир бы сейчас немало удивлялся, глядя на современные постановки своих пьес.

— А Филдинг сегодня очень интересно играл третьего убийцу,— вспоминала Гермия.

— Как было тогда удобно,— размечтался Дэвид,— нанимаешь убийцу, и он убирает кого нужно. Сейчас уж так не бывает!

— Почему не бывает?— возмутилась Гермия.— А гангстеры? Чикаго и все такое.

— Да нет же,— сказал Дэвид.— Я не про гангстеров, которых нанимают финансовые воротилы или князья преступного мира. Я про обычных людей — просто мешает кто-то: тетя Эмили такая богатая и не собирается умирать; или кому-то опостылел муж. Как удобно, звонишь в контору и говоришь: «Пришлите, пожалуйста, двух надежных убийц».

Мы все рассмеялись.

— А ведь и сейчас можно разделаться с человеком, когда надо, разве вы не знаете?— проговорила Пэм.

Мы обернулись к ней.

— Как это, детка? — спросил Дэвид.

— Ну, в общем можно. Обыкновенным людям вроде нас. Только, кажется, это очень дорого.

Пэм смотрела на нас огромными наивными глазами, рот у нее был слегка открыт.

— Что это ты хочешь сказать? — заинтересовался Дэвид.

Пэм смутилась.

— Ах, наверно, я все перепутала. Я вспомнила про белого коня. И все такое.

— Белого коня? Какого еще белого коня?

Пэм залилась краской и опустила ресницы.

— Да это просто так. Кто-то что-то говорил — наверное, я перепутала, не поняла.

— А ты попробуй-ка вот этот чудесный салат,— посоветовал Дэвид.

2

В жизни иногда случаются престранные вещи — услышишь неожиданно что-нибудь, а вдруг через день снова тебе кто-то говорит то же самое. Со мной такое произошло на следующее же утро.

Позвонил телефон. Я ответил.

— Это Марк Истербрук?

— Да. Миссис Оливер?

— Марк, я насчет этого благотворительного праздника. Я поеду и буду надписывать там книжки, если Роуда уж так хочет.

— Очень мило с вашей стороны.

— Обеда, надеюсь, не будет? — спросила миссис Оливер с опаской.— И пусть они меня не тащат в «Розовый конь» пить пиво.

— Как «Розовый конь?»

— Ну, «Белый конь». Мне от пива становится худо.

— А что это такое «Белый конь»?

— Да там какой-то бар — разве он не так называется? Или «Розовый конь»? А может, я напутала. У меня такая путаница в голове.

— Как поживает какаду? — спросил я.

— Какаду? — недоуменно откликнулась миссис Оливер.

— А мяч для крикета?

— Ну, знаете ли,— с достоинством проговорила миссис Оливер.— Вы, наверное, с ума сошли, или у вас похмелье, или еще что. Розовые кони, какаду, крикет.

Она сердито повесила трубку.

Я все еще раздумывал о «Белом коне», о том, как я о нем услышал сегодня снова, когда опять раздался телефонный звонок.

На этот раз звонил мистер Сомс Уайт, известный стряпчий, который напомнил мне, что по завещанию моей крестной я могу выбрать три картины из ее коллекции.

— Ничего особенно ценного, конечно, нет,— сказал мистер Сомс Уайт своим меланхоличным, скорбным голосом.— Но, насколько мне известно, вы говорили, что вам очень нравятся некоторые картины покойной.

— У нее были прелестные акварели, индийские пейзажи.

— Совершенно верно,— отвечал мистер Сомс Уайт.— Подготавливается распродажа имущества, и не могли бы вы сейчас подъехать на Эллсмер-сквер...

— Сейчас приеду,— сказал я.

Работать в это утро все равно не удавалось.

3

С тремя акварелями под мышкой я выходил из дома на Эллсмер-сквер и столкнулся нос к носу с каким-то человеком, поднимавшимся по ступенькам к двери. Я извинился, он тоже извинился, и я уже окликнул было ехавшее мимо такси, как вдруг меня что-то остановило, я быстро обернулся и спросил:

— Привет, это вы, Корриган?

— Я. Да... а вы... вы...— Марк Истербрук.

Джим Корриган и я были приятелями, когда учились в Оксфорде, мы не виделись уже лет пятнадцать.

— Не узнал вас сначала,— сказал Корриган.— Читаю время от времени ваши статьи, нравятся.

— А вы что поделываете? Занимаетесь научной работой, помнится, у вас была тема?

Корриган вздохнул.

— Не вышло. На это нужно много денег. Или найти миллионера, чтобы субсидировал. А мне никого не удалось заинтересовать своей теорией, к сожалению. Так что я теперь судебный хирург.

— Понятно. Вы идете в этот дом? Там никого нет, кроме сторожа.

— Я так и думал. Но мне хотелось кое-что поразузнать о покойной леди Хескет-Дюбуа.

— Наверно, я смогу вам рассказать больше, чем сторож. Она была моя крестная.

— Правда? Прекрасно. Пойдемте куда-нибудь посидим. Тут недалеко маленький ресторанчик. Ничего особенного, но кормят хорошо.

Мы выбрали себе столик в ресторане, и, когда подали суп, я спросил:

— Ну, а что вы хотели узнать насчет старушки? И кстати, зачем вам это нужно?

— Это длинная история,— отвечал Корриган— Скажите мне сперва, что она из себя представляла?

Я стал вспоминать.

— Человек старого поколения. Викторианский тип. Вдова бывшего губернатора какого-то неведомого островка. Была богата и любила жить с удобствами. Часто путешествовала. Детей у нее не было, но она держала двух очень воспитанных пуделей и просто обожала их. Самоуверенная, заядлая консерваторша. Добрая, но властная. Что еще вы хотите про нее знать?

— Да как бы вам сказать,— ответил Корриган,— мог ее кто-нибудь шантажировать, как вы думаете?

— Шантажировать? — произнес я с изумлением.— Вот уж чего не могу себе представить. Почему вам это пришло в голову?

И тут я впервые услышал об обстоятельствах убийства отца Гормана.

Я положил ложку и спросил:

— А эти фамилии? Они у вас с собой?

— Я их переписал. Вот они.

Я взял у него листок, который он достал из кармана, и стал его изучать.

— Паркинсон. Знаю двух Паркинсонов. Артур — служит на флоте. Еще Генри Паркинсон — тот чиновник в одном министерстве. Ормерод — есть один майор Ормерод. Сэндфорд — в детстве у нас был пастор Сэндфорд. Хармондсворт — нет, такого не знаю. Такертон...— Я остановился.— Такертон... Случайно, не Томазина Такертон?

Корриган взглянул на меня с любопытством.

— Может быть, не знаю. А кто она такая?

— Сейчас уже никто. Умерла около недели назад.

— Значит, здесь ничего не узнаешь.

Я стал читать дальше.

— Шоу, знаю зубного врача по фамилии Шоу, затем Джером Шоу, судья... Делафонтейн — где-то я недавно слыхал это имя, а где — не припомню. Корриган. Это, случайно, не вы?

— От всего сердца надеюсь, что не я. У меня такое чувство, будто попасть в этот список ничего хорошего не сулит.

— Все может быть. А что навело вас на мысль о шантаже?

— Это инспектор Лежен высказал такое соображение. Казалось самым вероятным объяснением. Но есть и много других. Может, это список торговцев наркотиками, или наркоманов, или тайных агентов — словом, кого угодно. Одно только несомненно — это записка представляет для кого-то огромную важность, если пошли на убийство, чтобы ее заполучить.

Я спросил:

— Вас всегда так занимает полицейская сторона работы?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет.

— А почему же вы так заинтересовались на этот раз?

— Сам не знаю,— медленно проговорил Корриган.— Наверно, из-за того, что увидел здесь свое имя. Вперед, Корриганы! Один из всех.

— За всех? Значит, вы убеждены, что это жертвы, не преступники? Но ведь может оказаться и наоборот.

— Вы правы. И, конечно, странно, что я так уверен. Может, это я просто себе внушил. А может, из-за отца Гормана, он был чудесный человек, все его любили и уважали. И я все время думаю: если этот список был для него так важен, может, дело идет о жизни и о смерти.

— Полиция не нашла никаких следов?

— Ну, это длинная история. Здесь проверь, так проверь. Проверяют, кто была женщина, которую он исповедовал.

— Кто же?

— В ней-то как раз ничего загадочного. Вдова. Мы было подумали, что ее муж имел какое-то отношение к скачкам, оказалось — нет. Она работала в небольшой фирме, фирма эта собирает данные о спросе на разные продукты и изделия и пользуется весьма недурной репутацией. На службе о миссис Дэвис почти ничего не знают. Она приехала с севера Англии — из Ланкашира. Единственно странно, что у нее было так мало вещей.

Я пожал плечами.

— Это нередко случается.

— Да, вы правы.

— Одним словом, вы решили принять участие в расследовании.

— Пытаюсь что-нибудь разузнать. Хескет-Дюбуа — имя необычное. Я думал, здесь что-то выплывет. Но из ваших слов ясно — ничего нового не узнаешь.

— Не наркоманка и не торговка наркотиками,— заверил я его.— И уж, конечно, не тайный агент. Была слишком добропорядочна, чтобы дать повод для шантажа. Не представляю себе, в какой список она могла вообще попасть. Драгоценности она держала в банке, так что и объект для грабежа она была неподходящий.

— А кого еще из этой семьи вы знаете?

— У нее есть племянник и племянница, но фамилия у них другая. Муж крестной был единственный сын у своих родителей.

Корриган недовольно заметил, что от меня мало проку. Он посмотрел на часы, сказал, что ему пора идти резать, и мы расстались.

Я вернулся домой в задумчивости, работать опять не смог и вдруг, подчиняясь внезапному порыву, позвонил Дэвиду Ардингли.

— Дэвид? Это Марк. Помнишь, я тебя встретил с девушкой. Пэм. Как ее фамилия?

— Хочешь отбить у меня подружку, а?

Дэвид очень развеселился.

— У тебя их столько, можешь одну и мне уступить.

— Так у тебя же своя есть, старик, я думал, у вас дела идут на лад.

«Идут на лад». Слова-то какие противные. Ни с того ни с сего у меня вдруг стало челюсти сводить от скуки... Передо мной встало

наше будущее. Ходим с Гермией по театрам на интересные вещи. Рассуждаем об искусстве, о музыке. Без сомнения, Гермия — прекрасная подруга жизни. «Да, но не больно-то с ней весело»,— зашептал мне в ухо какой-то злорадный бесенок. Мне стало стыдно.

— Ты что, заснул?— спросил Дэвид.

— Вовсе нет. По правде говоря, твоя Пэм очень забавна.

— Верно подмечено. Но только в небольших дозах. Ее зовут Пэмела Стирлинг, и она служит продавщицей в одном из этих шикарных магазинов на Мейфэр. Три сухих прутика, тюльпан с вывернутыми лепестками и лавровый листок, цена — три гинеи, ты эти букеты видел.

Он назвал адрес магазина.

— Пригласи ее куда-нибудь, и желаю вам повеселиться. Отдохнешь. Эта девица не знает абсолютно ничего — голова совершенно пустая. Что ни скажешь, она всему будет верить. Кстати, она девушка приличная, так что напрасные надежды оставь.

И он повесил трубку.

4

Я с трепетом вошел в Институт цветов. Несколько продавщиц, одетые в узкие бледно-зеленые платьица и с виду совершенно такие же, как Пэм, сбили меня с толку. Наконец, я определил, которая из них Пэм. Она старалась правильно написать адрес на карточке, но у нее это выходило с трудом. Еще больших трудов ей стоило сосчитать сдачу, но, наконец, я смог к ней обратиться.

— Мы с вами недавно познакомились — вы были с Дэвидом Ардингли,— напомнил я ей.

— Как же, как же,— любезно отозвалась Пэм, глядя куда-то поверх моей головы.

— Я хотел у вас кое-что спросить.

Вдруг я почувствовал угрызения совести.

— Но, может быть, сначала вы поможете мне выбрать цветы?

Голосом автомата, у которого нажали нужную кнопку, Пэм проговорила:

— Мы сегодня получили дивные розы.

— Сколько они стоят?

— Совсем, совсем дешево,— проворковала Пэм сладким голоском.— Всего лишь пять шиллингов штука.

Я судорожно глотнул и сказал, что возьму шесть роз.

— И вот этих дивных-дивных листочков к ним?

Я с сомнением посмотрел на дивные листочки, которые выглядели основательно сгнившими. Вместо них я попросил несколько пушистых веток аспарагуса, что сразу же уронило меня в глазах Пэм.

— Я хотел у вас кое-что спросить,— начал я опять, пока Пэм довольно неуклюже составляла букет.— Вы в тот раз упомянули какое-то заведение под названием «Белый конь».

Пэм вздрогнула и уронила цветы на пол.

— Вы не могли бы рассказать мне о нем поподробнее?

Пэм подняла цветы и выпрямилась.

— Что вы сказали? — спросила она.

— Я хотел спросить насчет «Белого коня».

— Белого коня? О чем это вы?

— Вы в тот раз о нем упоминали.

— Этого не может быть. Я ни о чем подобном в жизни не слыхала.

— Кто-то вам о нем рассказывал. Кто?

Пэм тяжело перевела дыхание и торопливо проговорила:

— Я не понимаю, о чем вы, и вообще мы не имеем права пускаться в разговоры с покупателями.

Она обмотала мои цветы бумагой.

— Тридцать пять шиллингов, пожалуйста.

Я дал ей две фунтовые бумажки. Она сунула мне в руку шесть шиллингов и быстро отошла к другому покупателю.

Я заметил, что у нее сильно дрожат руки.

Я медленно направился к выходу. Уже выйдя из магазина, я сообразил, что она мне неверно посчитала за цветы (аспарагус стоил шесть шиллингов семь пенсов) и дала слишком много сдачи. До этого ее ошибки в арифметике, видимо, били по другой стороне.

Передо мной снова встало очаровательное пустое личико и огромные синие глаза. Что-то в них промелькнуло, в этих глазах...

— Напугана,— сказал я себе.— До смерти напугана. Но почему? Почему?

Глава V

Рассказывает Марк Истербрук

1

— Какое облегчение!— проговорила миссис Оливер со вздохом.— Все уже позади.

Благотворительный праздник Роуды удался.

— В этот раз мы собрали больше для Фонда детей, чем в прошлом году,— радостно отметила Роуда.

— По-моему, очень странно,— заявила мисс Макалистер, гувернантка Роудиных детей,— Майкл Брент третий год кряду отыскивает клад. Вот я и подумала, уж не рассказывает ли ему кто-нибудь об этом.

— Леди Брукбэнк выиграла свинью,— сказала Роуда,— и так растерялась — зачем ей эта свинья?

— Очень любезно было со стороны Лагга из «Королевского ружья» прислать нам дюжину пива для буфета,— сказал муж Роуды, Деспард.

— А что это за «Королевское ружье?» — спросил я.

— Здешний кабачок, милый,— ответила Роуда.

— А другого здесь поблизости нет? Вы вспоминали какой-то «Белый конь», что-ли,— обратился я к миссис Оливер.

Реакции, которую я ожидал, не последовало. Никто не проявил беспокойства или особого интереса.

— «Белый конь» не кабачок,— сказала Роуда.— То есть я хочу сказать, сейчас уже не кабачок.

— Когда-то это была старая гостиница,— вставил Деспард.— Ярко выраженный шестнадцатый век. А сейчас это просто вилла. Я еще всегда думал, почему они оставили это название.

Одна из гостей, рыженькая девушка, которую все называли Джинджер*, возразила:

* Рыжик.

— О нет, они правильно сделали, название очень забавное, и, кроме того, у них сохранилась от гостиницы прелестная старинная вывеска. Они ее оправили в раму и повесили в холле.

— Кто они? — спросил я.

— Хозяйка виллы Тирза Грей,— сказала Роуда.— Ты ее не видел сегодня? Высокая женщина с короткими седыми волосами.

— Занимается оккультными науками,— добавил Деспард.— Спиритизм, всякие трансы и магия. Черных месс, правда, не служит, но нечто в этом роде.

Джинджер вдруг расхохоталась.

— Простите,— сказала она извиняющимся тоном.— Я себе представила мисс Грей в роли мадам Монтеспан у алтаря, крытого черным бархатом.

— Джинджер!— воскликнула Роуда.— Не забывай, что здесь наш пастор.

— Извините меня, мистер Колтроп.

— Ничего, ничего, — улыбнулся пастор и привел какую-то цитату на греческом языке.

Помолчав некоторое время для приличия, я возобновил свою атаку.

— Я все-таки хочу сказать, кто «они» — мисс Грей, а еще кто?

— Да с ней живет еще ее приятельница. Сибил Стэмфордис. Она у них медиум, так я думаю. Вы ее, наверное, заметили — вся в скарабеях, ожерельях, иногда вдруг нарядится в сари, хотя почему — непонятно, в Индии она сроду не бывала.

— И не забудьте про Беллу,— сказала жена пастора.— Это их кухарка,— пояснила она.— И, кроме того, ведьма. Она из деревни Литл Даннинг. Слыла там за колдунью. Это у них семейное. Ее мать тоже была ведьма.

Я посмотрел на миссис Колтроп с сомнением. Неужели она говорит серьезно?

— Как все это интересно! Мне бы хотелось у них побывать,— мечтательно проговорила миссис Оливер.

— Завтра мы с вами к ним зайдем,— пообещал Деспард.— Старая гостиница стоит того, чтобы на нее взглянуть. Они ее очень хорошо переделали: и дом удобный, и сохранили все интересное.

— Я завтра утром созвонюсь с Тирзой,— сказала Роуда.

Признаюсь, я лег спать разочарованный.

«Белый конь», который представлялся мне символом чего-то неведомого и грозного, оказался совсем безобидным.

Хотя, конечно, может быть и какой-то другой «Белый конь».

Я все думал об этом, пока не заснул.

2

— Мы сегодня приглашены к мистеру Винаблзу,— сказала Роуда наутро.— Он тебе понравится. По-настоящему интересный человек. Всюду побывал, все на свете видел. Он перенес полиомиелит, ноги у него парализованы, и передвигается он в специальном кресле. Ему, должно быть, тяжело — ведь он так любил путешествовать. Очень богат. Купил «Прайорз Корт» и поселился здесь три года назад.

Дом мистера Винаблза, «Прайорз Корт», был совсем недалеко. Хозяин встретил нас в холле в своем кресле на колесах.

— Очень рад, что вы пришли,— сердечно приветствовал он нас.

Мистер Винаблз был человек лет пятидесяти, с худым лицом и большим крючковатым носом. Он был одет несколько старомодно.

Роуда представила всех друг другу.

— Очень мило было с вашей стороны побывать вчера у нас на

празднике. И спасибо за щедрый чек. Я даже не надеялась, что вы сами будете.

— А мне нравятся эти увеселения. Так характерны для английской деревни. Я вернулся домой с ужасной куклой — выиграл в лотерею, а наша Сибил разоделась в пух и прах — тюрбан из фольги, бус не меньше тонны, — и каких только чудес мне не нагадала.

— Добрая старая Сибил,— сказал Деспард.— Мы сегодня званы на чай к Тирзе. Любопытный дом.

— «Белый конь»? Да. Жаль, что он так и не остался гостиницей. Когда-то в нем останавливались разбойники или богатые путешественники, а теперь — какая проза — гнездышко трех старых дев.

— Ну, о них нельзя так подумать!— воскликнула Роуда.— Сибил еще пожалуй, сари и бусы, она и вправду выглядит смешной. Но в Тирзе есть что-то устрашающее, вы не согласны? Кажется, что она читает ваши мысли.

— А Белла отнюдь не старая дева, она схоронила двух мужей,— добавил Деспард.

— Ну, тогда ото всей души прошу прощения,— ответил Винаблз, рассмеявшись.

— И смерть ее двух мужей комментируют со зловещими подробностями,— продолжал Деспард.— Говорят, когда они ей не угодят, она, бывало, на них только раз посмотрит, и после этого они заболевали и медленно отходили к праотцам.

— Правда, я и забыл, она — здешняя ведьма.

— Да, так говорит миссис Колтроп.

Глава VI

Рассказывает Марк Истербрук

Был уже пятый час, когда мы распрощались с Винаблзом. Он превосходно нас угостил, а потом показал нам свой дом, настоящую сокровищницу.

— У него, должно быть, куча денег,— сказал я после того, как мы покинули «Прайорз Корт».— Этот нефрит и африканская скульптура, я уже не говорю о мейссенском фарфоре. Вам повезло на соседа.

— А мы это знаем,— ответила Роуда.— Здесь все люди скучноватые, он по сравнению с ними сама экзотика.

— Откуда у него такие деньги? — спросила миссис Оливер.— Или это семейное состояние?

— Мне говорили,— ответил Деспард,— что он начинал жизнь грузчиком, но вряд ли это так. Он никогда не рассказывает о своем детстве, о семье. Вот тема для вас,— Деспард обратился к миссис Оливер,— таинственная личность.

Миссис Оливер заявила, что ей вечно предлагают совершенно ненужные темы.

И тут мы подъехали к «Белому Коню». Дом был деревянный и стоял несколько в стороне от деревенской улицы. Позади него находился обнесенный забором сад, дышавший стариной.

Я был разочарован и не стал этого скрывать.

— Ничего зловещего,— пожаловался я.— Никакой особенной атмосферы.

— Подождите, посмотрите, как внутри,— сказала Джинджер.

Мы вышли из машины и направились к двери, которая открылась при нашем приближении.

Мисс Тирза Грей стояла на пороге, высокая, слегка мужеподобная, в твидовом костюме. У нее были густые и жесткие седые волосы, орлиный нос и проницательные голубые глаза.

— Вот и вы наконец,— сказала она приветливым басом.— Я уж думала, куда вы пропали.

За ее плечом виднелось чье-то лицо. Странное, довольно бесформенное лицо, будто вылепленное ребенком, который забрался поиграть в мастерскую скульптора. Такие лица, подумал я, иногда встречаются на картинах итальянских или фламандских примитивов.

Роуда представила нас и объяснила, что мы были у мистера Винаблза.

— Ага! — сказала мисс Грей.— Тогда понятно. Любовались сокровищами. Бедняга, надо ему хоть чем-то развлекаться. Да заходите же, заходите. Мы очень гордимся своим домиком. Пятнадцатый век, а часть — даже четырнадцатый.

Холл был невысокий и темный, винтовая лестница вела в комнаты. Мы увидели большой камин и над ним — картину в раме.

— Вывеска старой гостиницы,— объяснила мисс Грей, заметив мой взгляд.— В темноте плохо видно. Белый конь.

— Я вам ее отмою,— сказала Джинджер.

— А вдруг испортите?— грубовато спросила Тирза.

— Как я могу испортить, когда это моя работа? Я реставрирую картины в лондонских галереях,— сказала она мне.

Мы с ней стали разглядывать картину вместе. Картина не отличалась никакими художественными достоинствами, разве что она действительно была очень старинная. Светлый силуэт коня вырисовывался на темном фоне.

В холле появилась мисс Сибил Стэмфордис. Это была высокая сутуловатая женщина с темными волосами, плаксивым выражением лица и рыбьим ртом.

Она была одета в изумрудного цвета сари, которое никак не делало ее внешность более значительной. Голос у нее был тихий и дрожащий.

— Наш милый, милый конь,— сказала она.— Мы влюбились в эту вывеску с первого взгляда. По-моему, она-то и заставила нас купить дом. Правда, Тирза? Но входите же, входите.

Нас провели в маленькую комнату. Когда-то, видно, в ней помещался бар, а теперь это была гостиная.

Потом мы осмотрели сад — я сразу увидел, что летом он, должно быть, чудесен — и вернулись в дом. Стол уже был накрыт.

Мы сели, и старая женщина, чье лицо я заметил еще в холле, внесла большой серебряный чайник.

— Спасибо, Белла,— сказала Тирза.

— Вам больше ничего не нужно? — невнятно пробормотала кухарка.

— Нет, спасибо.

Белла пошла к двери. Она ни на кого не смотрела, но, уже выходя, бросила на меня быстрый взгляд. Что-то в нем насторожило меня, хотя что — трудно объяснить. Что-то злобное и проницательное, словно она видела тебя насквозь. Тирза заметила мою реакцию.

— Белла может испугать, правда? — спросила она тихо.— Я заметила, как она на вас поглядела.

Сибил Стэмфордис забренчала бусами.

— А признайтесь, признайтесь, мистер, мистер...

— Истербрук.

— Мистер Истербрук. Вы ведь слышали, что мы творим колдовские обряды. Признайтесь. О нас ведь здесь идет такая слава.

— И может быть, заслуженная,— вставила Тирза. Ее это забавляло.— У Сибил особый дар.

Сибил удовлетворенно вздохнула.

— Меня всегда привлекала мистика,— прошептала она.— Еще ребенком я осознала, что наделена сверхъестественным даром. Я всегда была очень чувствительна. Я однажды потеряла сознание за чаем у подруги — я почувствовала: когда-то в этой комнате случилось нечто ужасное... Много позже я узнала правду — там двадцать пять лет назад совершилось убийство. В той самой комнате.

Она закивала и победоносно поглядела на нас.

— Удивительно!— согласился Деспард с холодной вежливостью.

— Какое на вас красивое сари!— сказала Роуда.

Сибил просияла:

— Да, я его привезла из Индии. Я там училась у йогов. И я одна из немногих женщин, что побывали в Гаити. Там действительно можно найти истоки оккультных наук. Самые корни. Великий мэтр — барон Самди, а Легба — это божество, которое он вызывает, божество, которое «опрокидывает барьеры». Высвобождается смерть и порождает смерть. Страшная мысль, правда? А вот мой амулет. Высушенная тыква, а на ней сетка из бус, и видите — позвонки змеи.

Мы вежливо, хотя и без особого удовольствия, разглядывали амулет.

Сибил продолжала свою лекцию о колдовстве, но я больше не слушал — я заметил, что Тирза смотрит на меня.

— Вы не верите тому, о чем она говорит? — спросила Тирза тихо.— Но вы не правы. Не все можно объяснять, как суеверия, страх, религиозный фанатизм. Существуют первозданные истины и первозданные силы. Были и будут.

— А я не спорю,— ответил я.

— Ну и правильно. Пойдемте, я покажу вам свою библиотеку.

Я последовал за ней через стеклянную дверь в сад, где находилась библиотека, перестроенная из конюшни и служб. Это была большая комната, одна длинная стена в ней сплошь уставлена книгами.

— У вас здесь очень редкие вещи, мисс Грей. Неужели это первое издание «Malleus Maleficarum»?* Да вы владелица настоящего сокровища.

— Как видите.

— И Гримуар — такая редкость.

Я поставил книгу обратно на полку. А Тирза сказала:

— Приятно встретить человека, который знает толк в старых книгах. Обычно наши гости только зевают или ахают.

— Но ведь колдовство, магия и все такое — это чепуха,— заметил я.— Чем они вас привлекают?

— Трудно сказать... Я уже давно этим интересуюсь. Очень любопытно. Во что только люди не верят, каких глупостей они только не делают. Но вы не должны судить обо мне по бедняжке Сибил. Я заметила, вы на нее поглядывали с усмешкой. Конечно, во многом она просто глупа, мистика, черная магия, оккультные науки — все она валит в одну кучу. И все-таки она наделена особой силой.

— Силой?

---

* Средневековый трактат о ведьмах.

— Ну, называйте это как хотите. Ведь есть люди, которые связывают этот мир с другим, таинственным и зловещим миром. Она превосходный медиум. И у нее необычайный дар. Когда мы с ней и с Беллой....

— С Беллой?

— Ну да. И у Беллы свой дар. Мы все им наделены в какой-то мере. Мы действуем сообща и...— Она остановилась.

— Фирма «Колдуньи, Лимитед»? — спросил я с улыбкой.

— Пожалуй.

Я рассматривал переплет книги, которую взял с полки.

— Нострадамус* и все прочее?

— Нострадамус и все прочее.

Я спросил тихонько:

— И неужели вы верите?

— Не только верю. Знаю.

— Что вы знаете? Откуда?

Она, улыбнувшись, показала на полки:

— Это все ерунда. Выдумки, пышные фразы. Сейчас наука расширила наши горизонты.

— Какие горизонты?

— Горизонты мысли. Дала нам веру в силу мысли, в ее возможности. Знахари использовали это еще много веков назад. Они насылали смерть. И вовсе не нужно убивать жертву. Все, что нужно,— это внушить ей, что гибель неизбежна.

— Внушение? Но ведь оно не действует, если жертва не верит.

— А мы далеко ушли от шаманов. Психологи указали нам путь. Желание умереть. Оно таится во всех людях. И его нужно уметь использовать.

— Интересно. Вы заставляете жертву совершить самоубийство?

— Как вы отстали! Вам приходилось слышать о самовнушенных болезнях?

— Конечно.

— Люди вдруг заболевают — человек начинает думать, что болен, и у него, у совершенно здорового человека, возникают симптомы болезни, даже боли.

— Ага, вот что вы имеете в виду,— медленно произнес я.

— Чтобы уничтожить объект, нужно повлиять на его подсознательное стремление к гибели.

Она взглянула на меня с торжеством.

— И вы можете это сделать?

— Не заставляйте меня, мистер Истербрук, выдавать мои секреты,— сказала Тирза Грей.

Глава VII

Рассказывает Марк Истербрук

1

— Вот вы где!

Роуда вошла в открытую дверь и огляделась.

— Здесь вы творите свои обряды?

* Французский астролог и мистик XVI века.

— Вы хорошо осведомлены.

— Как интересно!— воскликнула Джинджер.

Тирза быстро взглянула на нее, затем обернулась к миссис Оливер.

— Вы должны написать об убийствах с помощью черной магии. Я вам дам много материала.

Миссис Оливер смутилась.

— Я пишу об убийствах попроще,— сказала она, словно говоря: «Я умею готовить только простые блюда».

Деспард взглянул на часы.

— Роуда, по-моему...

— Правда, нам пора.

Мы распрощались.

— Не нравится мне эта женщина,— сказала миссис Оливер, когда наша машина отъехала от дома.— Не нравится — и все.

— Ну, не стоит принимать Тирзу всерьез,— снисходительно заметил Деспард.

— А мне бы хотелось побывать на одном из их сеансов,— мечтательно проговорила Роуда.— Должно быть, забавно.

— Не разрешаю,— твердо сказал ее муж.— Еще тебе не хватало заделаться колдуньей.

Они затеяли шутливый спор, а миссис Оливер спросила у меня, каким поездом ей лучше завтра уехать.

— Мне нужно завтра на похороны. Приятного мало. Но Мери Делафонтейн была моя старая подруга.

— Ага! — воскликнул я.— Ага! Делафонтейн.

Все посмотрели на меня с удивлением.

— Извините,— сказал я.— Просто я все вспоминал, где я слышал фамилию Делафонтейн. Вы ведь мне как будто говорили, что вам нужно навестить ее в больнице? — Я вопросительно взглянул на миссис Оливер.

— Очень может быть,— ответила миссис Оливер.

— Отчего она умерла?

— Токсический полиневрит — кажется, так.

Джинджер с любопытством глядела на меня. Взгляд у нее был весьма проницательный.

Когда мы выходили из машины, я сказал:

— Я хочу пойти прогуляться. Мы сегодня столько ели. У мистера Винаблза, да еще этот чай.

И я поскорее ушел, чтобы никто не набился составить мне компанию. Мне хотелось побыть одному и привести в порядок свои мысли. В чем же тут дело? Началось все со слов Пэм, что если надо от кого-то отделаться, для этого есть «Белый Конь».

Потом встретил Джима Корригана, и он мне показал этот список, найденный у отца Гормана. В списке были фамилии Хескет-Дюбуа и Такертон, и я вспомнил вечер в баре Челси. Фамилия Делафонтейн тоже показалась мне знакомой. Ее, как теперь было ясно, упомянула миссис Оливер, рассказывая о своей больной подруге. (Теперь больная подруга уже умерла).

После этого я сам не знал толком, почему пошел допрашивать Пэм в эту ее цветочную лавку. И Пэм начисто отрицала, что слышала про «Белого Коня». Более того, Пэм смертельно перепугалась.

Сегодня — сегодня была Тирза Грей. Но неужели «Белый Конь» и его обитательницы имеют хоть какое-то отношение к списку отца Гормана? Почему я их связываю?

Почему мне пришло в голову, что между ними есть какая-то связь?

Миссис Делафонтейн, вероятно, жила в Лондоне. Томазина Такертон — где-то в Сэррее. Они, наверное, и представления не имели о деревне Мач Дипинг. А вдруг...

Я подходил к деревенской гостинице «Королевское ружье» и решил заглянуть туда. Бар еще не открывался, и не было ни одного посетителя. Я решил подождать, сел у входной двери, взял со стола книгу, где записывали останавливающихся в гостинице, и от нечего делать стал ее листать.

Посидев немного, я захлопнул книгу и положил ее на место. Никто так и не вышел ко мне, и я решил продолжить свою прогулку.

Совпадение ли, что кто-то по имени Сэндфорд и еще кто-то по имени Паркинсон останавливался в этой гостинице в прошлом году? Обе эти фамилии были у Корригана в списке. Да, но ведь такие фамилии встречаются нередко. Кроме того, я нашел в книге и еще одно имя — Мартин Дигби. Если это тот Мартин Дигби, которого я знаю, то он — внучатый племянник моей крестной, тетушки Мин — леди Хескет-Дюбуа.

Я шел и сам не понимал, куда иду. Мне хотелось с кем-то поговорить. С Джимом Корриганом. Или с Дэвидом Ардингли. Или с Гермией — она такая разумная. По сути дела, я хотел, чтобы меня разубедили в моих смутных подозрениях.

Я проблуждал еще с час по грязным тропинкам и набрел, наконец, на дом пастора, мистера Колтропа.

2

Гостиная у него в доме была большая и довольно бедная. Разросшиеся кусты за окнами загораживали свет, и в комнате было темновато. Большие часы тикали на камине. Миссис Колтроп пригласила меня сесть. И вот я, Марк Истербрук, историк, автор многих статей и книг, светский человек, решил выложить ей все мои тревоги. Мне нужно было с кем-то поделиться.

— Я к вам прямо от Тирзы Грей — мы у нее пили чай.

Миссис Колтроп тут же догадалась о моем состоянии.

— Ах, вот как. И у вас тяжелый осадок? Что и говорить, троица не из приятных.

— У вас большой жизненный опыт, миссис Колтроп. И поверили бы вы, что человека можно уничтожить на расстоянии, без видимых связей?

Миссис Колтроп широко раскрыла глаза.

— Уничтожить, вы имеете в виду убить? Чисто физически?

— Да.

— Ерунда,— последовал единственно разумный ответ.

— Ну вот,— сказал я с облегчением.— Наверно, эта женщина меня просто загипнотизировала.

— Не думаю,— ответила миссис Колтроп.— Вы не из тех, кого можно загипнотизировать. Видно, произошло что-то еще. Раньше.

— Вы угадали,— признался я.

И вдруг стал рассказывать ей обо всем — об убийстве отца Гормана, о том, как случайно в ресторане упомянули «Белого Коня». И еще я показал фамилии, списанные у доктора Корригана.

Миссис Колтроп поглядела на него и задумалась.

— Понимаю,— сказала она.— А эти люди? Есть между ними что-нибудь общее?

— Мы не знаем. Может быть, это шантаж... или наркотики...

— Вздор,— ответила миссис Колтроп.— Вас не это беспокоит. Вы просто думаете о том, что ни одного из них не осталось в живых.

Я глубоко вздохнул.

— Да,— признался я.— Это так. Но наверняка я не знаю. Трое из них умерли. Минни Хескет-Дюбуа, Томазина Такертон, Мери Делафонтейн. Все три от естественных причин. А Тирза Грей рассказывала, как это случается.

— Вы хотите сказать, она утверждала, что может наслать такую смерть?

— Нет. Она не говорила про что-то определенное. Просто разглагольствовала о научных возможностях.

— И на первый взгляд это кажется отменной глупостью,— задумчиво вставила миссис Колтроп.

— Я знаю. Я бы посмеялся про себя — и только, не будь этого странного разговора насчет «Белого Коня».

— Да,— отозвалась миссис Колтроп.— «Белый Конь». Наводит на размышления.

Она помолчала. Потом подняла голову.

— Скверное дело,— сказала она.— Что бы там ни была за причина, надо этому положить конец. Да вы и сами прекрасно понимаете.

— Да, да... Но что можно сделать?

— Вот нужно подумать, что делать. Но времени терять нельзя. Нужно заняться этим всерьез и немедленно. У вас найдется какой-нибудь друг, который вам поможет?

Я задумался. Джим Корриган? Человек занятой, времени у него мало и, наверно, он уже и сам делает, что только можно. Дэвид Ардингли — но поверит ли Дэвид в такое? Гермия? Пожалуй. Трезвый ум, ясная логика. Вот кто мне нужен.

— Ну, придумали? И прекрасно.

Миссис Колтроп заговорила по-деловому.

— Я буду следить за тремя ведьмами. Но только я чувствую, что дело все-таки не в них. Нам нужно найти какое-то недостающее звено. Связь между одной из этих фамилий и «Белым конем». Что-нибудь реальное.

Глава VIII

Полицейский инспектор Лежен поднял голову — в комнату вошел доктор Корриган.

— Прошу прощения, если не угодил, но у водителя этого «ягуара» алкоголя в организме не оказалось. То, что унюхал ваш П. К. Эллис, просто плод его, Эллисова, воображения.

Но Лежена в эту минуту не интересовали нарушители правил дорожного движения.

— Взгляните-ка,— сказал он.

Корриган взял письмо, которое ему протянул инспектор. Почерк был мелкий и ровный. Письмо было прислано из коттеджа «Эверест», Глендовер Клоуз, Борнемут.

«Уважаемый инспектор Лежен!

Если вы помните, вы просили меня связаться с вами, доведись мне снова встретить человека, который следовал за отцом Горманом в вечер, когда последний стал жертвой убийства. Я внимательно наблюдал за всеми, кто бывал поблизости от моей аптеки, но ни разу больше его не встретил.

Вчера я присутствовал на благотворительном празднике в соседней деревушке — меня привлекло туда то, что в празднике принимала участие миссис Оливер, известная как автор детективных романов — она надписывала для желающих свои книги. Я большой любитель детективных романов, и мне очень хотелось увидеть миссис Оливер.

И так, к великому своему удивлению, я увидел человека, который проходил мимо моей аптеки в вечер убийства отца Гормана. Видимо, после этого он стал жертвой несчастного случая, ибо передвигался он теперь лишь в кресле на колесах. Я навел о нем кое-какие справки, и оказалось, что он проживает в этих местах и фамилия его Винаблз. Его адрес «Прайорз Корт», Мач Дипинг. Он считается весьма состоятельным человеком.

Надеюсь, вам пригодятся эти сведения.

Искренне ваш,

Зэкэрайа Осборн».

— Ну что?

— Неубедительно,— ответ Корригана был как ушат холодной воды.

— На первый взгляд. Но я не уверен...

— Этот тип, Осборн, вообще не мог ничьего лица толком разглядеть вечером да еще в такой туман. Наверное, случайное совпадение. Сами знаете, как это бывает. Раззвонят повсюду, что видели человека, которого разыскивает полиция, и в девяти случаях из десяти нет ни малейшего сходства даже с опубликованным в газете описанием.

— Осборн не такой,— сказал Лежен.

— А какой?

— Он почтенный, солидный аптекарь, старомодный, очень забавный человек и очень наблюдательный.

— И вы думаете, в этом что-то есть? — спросил Корриган, глядя на инспектора с любопытством.— Что вы собираетесь предпринять?

— Во всяком случае, не помешает навести кое-какие справки об этом мистере Винаблзе из...— он взглянул на письмо,— из деревни Мач Дипинг.

Глава IX

Рассказывает Марк Истербрук

— Какие удивительные вещи происходят в деревне!— легкомысленно воскликнула Гермия.

Мы только что пообедали, и перед нами на столе дымился кофейник с черным кофе.

— Кажется, ты не совсем меня поняла, Гермия.

— Прекрасно поняла, Марк! По-моему, это удивительно интересно. Как страничка из истории — забытое наследие средних веков.

— Меня не интересует история,— раздраженно ответил я.— Меня интересуют факты. Фамилии на листке бумаги. Я знаю, что произошло с некоторыми из них. Что случилось, или случится с остальными?

— Не даешь ли ты волю воображению? Ты преувеличиваешь. Марк.

Твои средневековые колдуньи, видно, сами искренне верят этой чепухе. И я тебе верю, что они пренеприятные особы.

— Но ничуть не опасные?

— Марк, ну откуда им быть опасными?

— Я хочу все проверить, Гермия. Добраться до самой сути.

— Правильно. Возьмись за это. Должно быть, это будет очень интересно. Даже забавно.

— Что здесь забавного? — резко заметил я.— Я хотел просить твоей помощи, Гермия.

— А как я могу тебе помочь?

— Помоги мне все проверить и выяснить. Давай примемся за дело сейчас же.

— Марк, милый, но я сейчас ужасно занята. Пишу для журнала одну статью. И еще мне нужно кое-что сделать по Византии. И я пообещала двум студентам...

Слова ее звучали логично, разумно, но я уже не слушал.

— Понятно,— сказал я.— У тебя и так хлопот полон рот.

— Совершенно верно.

Гермию обрадовал мой ответ. Я смотрел на нее через стол.

Красивая, умная, начитанная. И как бы это сказать? Так — ничего не поделаешь — так безнадежно скучна.

На следующее утро я пытался связаться с Джимом Корриганом, но безуспешно. Я просил передать ему, чтобы он зашел — я буду у себя между шестью и семью. Я знал, что он человек занятой, вряд ли сумеет выбраться, но без десяти семь он появился у меня.

Я налил по стаканчику, усадил его в кресло и начал:

— Вас, наверное, удивляет, зачем это вы мне так срочно понадобились, но тут всплыли некоторые факты, быть может, они связаны с тем, о чем мы с вами говорили последний раз.

— О чем же? Ах, да. Отец Горман.

— Именно. Но сначала вы мне ответьте: название «Белый Конь» ничего вам не говорит?

— «Белый Конь», «Белый Конь» — нет вроде. А что?

— Я думаю, может быть, оно как-то связано с тем списком... Я тут побывал со своими друзьями в деревне — называется Мач Дипинг, и они меня сводили в одну гостиницу, вернее, это раньше когда-то была гостиница под названием «Белый Конь».

— Погодите! Мач Дипинг? Мач Дипинг — это где-то возле Борнемута?

— Около пятнадцати миль оттуда.

— Вы там не встречали, случайно, одного человека по имени Винаблз?

— Конечно.

— В самом деле? — Корриган даже привстал от волнения.— У вас прямо талант выбирать нужные места! Какой он из себя?

— Весьма необычная личность.

— Да? А чем же?

— Главным образом силой характера. Хоть у него и парализованы ноги после полиомиелита....

Корриган резко перебил меня:

— Что?

— Он перенес полиомиелит несколько лет назад. И у него парализованы ноги.

Корриган бросился в кресло с недовольным видом.

— Все ясно. Я так и думал, не может быть такого совпадения.

— Я вас не понимаю.

Корриган сказал:

— Вам надо встретиться с полицейским инспектором Леженом. Ему будет интересно вас послушать. Когда убили Гормана, Лежен просил всех, кто его в тот вечер видел, сообщить об этом в полицию. Большинство сведений оказались бесполезными, как обычно. Но один человек, аптекарь по имени Осборн — у него аптека была около той улочки,— рассказал, что видел отца Гормана в тот вечер. Отец Горман прошел мимо его двери, а за ним по пятам — какой-то человек. Он его описал довольно точно и сказал, что узнал бы его, если бы снова увидел. Ну, а дня два назад Лежен получил от него письмо. Он продал свое дело и живет в Борнемуте. Был там на деревенском празднике и говорит, что видел этого человека снова. Но передвигается тот в кресле на колесах. Осборн стал о нем расспрашивать и узнал, что его фамилия — Винаблз.

Он взглянул на меня вопросительно. Я кивнул.

— Верно,— сказал я.— Это Винаблз. Он был на празднике. Но идти за отцом Горманом в тот вечер он не мог. Это физически невозможно. Осборн ошибся.

— Он его описал очень подробно. Ростом около шести футов, крючковатый нос, кадык.

— Да. Это Винаблз. И все-таки...

— Понимаю. Мистер Осборн может преувеличивать свои таланты по части запоминания лиц. Наверно, его сбило с толку какое-нибудь сходство. А что это за белый конь? Ну-ка, рассказывайте.

— Вы не поверите,— предупредил я его.— Я и сам-то не могу поверить.

Я передал ему свой разговор с Тирзой Грей. Реакция была такая, как я и ожидал.

— Что за невероятный вздор!

— Да, не правда ли, какой вздор?

— Конечно. Что с вами, Марк? Медиум, деревенская ведьма и старая дева, которая может наслать смертоносный луч. Безумие какое-то!

— Действительно, безумие,— проговорил я.

— Только не поддакивайте мне, Марк, а то похоже, вы себя пытаетесь разуверить. И принимаете эту ерунду всерьез.

— Разрешите мне сперва спросить у вас одну вещь насчет того, будто в каждом из нас есть подсознательное желание умереть. Это научный взгляд?

Корриган помолчал с минуту, а затем сказал:

— Я не психиатр. Но, по-моему, авторы таких теорий сами немножко тронутые. Вся эта чепуха о подсознательном! Купите лучше книгу по психологии и прочтите, а меня не спрашивайте.

— Тогда посмотрим на это с другой стороны. За довольно короткий промежуток времени — приблизительно за год или полтора — каждая из этих фамилий стала фамилией в свидетельстве о смерти. Так?

Он странно на меня посмотрел.

— Да, тут вы правы.

— Вот что у них у всех общее — они умерли.

— Да, но все это, может быть, не так ужасно, как кажется. Вы представляете себе, сколько человек умирает каждый день на Британских островах? А большинство фамилий в этом списке встречаются часто. Да, но толку от моих рассуждений тоже мало.

— Делафонтейн,— сказал я.— Мери Делафонтейн. Эту фамилию не часто встретишь. Если я не ошибаюсь, во вторник были ее похороны.

Он быстро взглянул на меня.

— Откуда вы это знаете? Прочли в газете?

— Слышал от ее приятельницы.

— В ее смерти не было ничего подозрительного. Можете мне поверить. И обстоятельства в других случаях тоже не заключают в себе ничего подозрительного. Полиция проверяла: Если бы имелись несчастные случаи, тогда бы можно было что-то заподозрить. Но смерть всегда наступала от естественных причин. Воспаление легких, кровоизлияние в мозг, опухоль мозга, камни в желчном пузыре, один случай полиомиелита — ничего подозрительного.

Я кивнул.

— Ни несчастных случаев,— сказал я,— ни отравлений. Обычные болезни, ведущие к смерти. Как и утверждает Тирза Грей.

— Вы, значит, в самом деле думаете, что эта женщина может заставить кого-то, кого она в жизни не видела, кто находится от нее за много миль, заболеть воспалением легких и скончаться по этой причине?

— Я-то этого не думаю. А вот она думает. Я считаю такое немыслимым, мне хотелось бы, чтобы это было невозможно. Но кое-какие детали весьма любопытны. Случайное упоминание о «Белом Коне» в разговоре о том, как убрать ненужного человека. И такое место, «Белый Конь», оказывается, действительно существует, а хозяйка его просто похваляется, что может любого человека убрать. У нее есть сосед, которого видели, когда он шел по пятам за отцом Горманом перед тем, как произошло убийство. Отца Гормана в тот вечер позвали к умирающей, и она рассказала о каком-то «невероятном злодействе». Не слишком ли много совпадений, как вы думаете?

— Но Винаблз не может быть тем человеком, ведь вы сами говорите, что он уже многие годы парализован.

— А разве невозможно с медицинской точки зрения симулировать паралич?

— Невозможно. Конечности атрофируются.

— Тогда ничего не скажешь,— согласился я. И вздохнул.— Если существует такая, как бы ее назвать — ну, организация, что ли, «Устранение неугодных»,— Винаблз очень подходит на роль ее руководителя. Все в его доме говорит о прямо-таки сказочном богатстве. Откуда у него такие деньги?

Я помолчал, потом добавил:

— Все эти люди умерли у себя в постели от той или иной болезни — а может быть, кто-то нажился на их смерти?

— Всегда найдется человек, которому выгодна чья-нибудь смерть в большей или меньшей степени. Никаких подозрительных обстоятельств не было, вы это хотите сказать?

— Не совсем.

— Леди Хескет-Дюбуа, вы, наверно, знаете, оставила пятьсот тысяч фунтов. Ей наследуют племянник и племянница. Племянник живет в Канаде. Племянница замужем, живет где-то на севере Англии. Обоим деньги не помешают. Томазине Такертон оставил очень большое состояние отец. В случае, если она умирает, не будучи замужем, до того, как ей исполнится двадцать один год, наследство переходит к ее мачехе. Мачеха — вроде женщина совершенно безобидная. Дальше, ваша эта миссис Делафонтейн — деньги достались ее двоюродной сестре...

— Ах, вот как. И где же эта двоюродная сестра?

— Живет со своим мужем в Кении.

— Значит, все они отсутствуют в момент смерти, до чего прекрасно,— заметил я.

Корриган сердито глянул на меня:

— Из трех Сэндфордов, которые дали дуба за это время, у од-

ного осталась молодая вдова, она снова вышла замуж — и очень быстро. Покойный Сэндфорд был католик и не давал ей развода. А еще одного типа, Сиднея Хармондсворта — он умер от кровоизлияния в мозг — Скотланд Ярд подозревает в шантаже. Они считают, это был источник его доходов. И кое-кто из очень важных чиновников может испытывать огромное облегчение от того, что Хармондсворта больше нет в живых.

— Вы, по сути дела, хотите сказать, что все эти смерти кому-то очень на руку? А как насчет Корригана?

— Корриган — фамилия распространенная. Корриганов поумирало много, но их смерть никого не осчастливила, насколько нам известно.

— Тогда все ясно. Вы и есть намеченная жертва. Смотрите в оба.

— Постараюсь. И не воображайте, что ваша волшебница поразит меня язвой двенадцатиперстной кишки или испанкой. Такого закаленного в борьбе с болезнями врача голыми руками не возьмешь.

— Послушайте, Джим. Я хочу заняться этой Тирзой Грей. Вы мне поможете?

— Ни за что? Не понимаю — такой умный, образованный человек верит в какую-ту чепуху.

Я вздохнул.

— Другого слова не подберете? Меня от этого уже тошнит.

— Ну, чушь, если это вам подходит.

— Тоже не очень-то.

— И упрямец же вы, Марк!

— Насколько я понимаю, кому-то надо быть упрямцем в этой истории,— ответил я.

Глава X

Коттедж «Глендовер Клоуз» был совсем новый — одну сторону еще даже не достроили, и там работали каменщики.

Над грядкой с тюльпанами можно было узреть чью-то смуглую спину, которую инспектор Лежен без труда опознал как спину мистера Зэкэрайи Осборна. Инспектор открыл калитку и вошел в сад. Мистер Осборн выпрямился, чтобы посмотреть, кто это посетил его обитель. Когда он узнал гостя, его покрасневшее от работы лицо залил еще более густой румянец удовольствия. Мистер Осборн на лоне природы выглядел почти также, как мистер Осборн в аптеке. Он был без пиджака, в грубых башмаках, но выглядел чрезвычайно опрятным и щеголеватым.

— Инспектор Лежен! — воскликнул он приветливо.— Такой визит — большая честь. Да, сэр. Я получил ваш ответ на свое письмо, но не ожидал удостоиться чести видеть вас здесь собственной персоной. Добро пожаловать! Заходите, и угостимся чем бог послал.

Мистер Осборн провел Лежена в домик. Там все сверкало чистотой и царил образцовый порядок. Комнаты, правда, были пустоватые.

— Еще не совсем устроился. Бываю на всех местных аукционах — иногда можно купить великолепные вещи за четверть цены. Чего вы выпьете? Стаканчик шерри? Пива? А может, чашку чаю?

Лежен выразил предпочтение пиву.

— Ну вот,— сказал мистер Осборн, вернувшись через минуту с

двумя пенящимися кружками.— Посидим, отдохнем, поговорим.

Покончив с формальностями, Осборн с надеждой наклонился вперед.

— Мои сведения вам пригодились?

Лежен, как мог, смягчил удар.

— Меньше, чем я думал, к сожалению.

— Обидно. Признаюсь, я разочарован. Хотя, по сути дела, нет оснований полагать, что джентльмен, который шел за отцом Германом, обязательно его убийца. Это значило бы хотеть слишком многого. И мистер Винаблз — человек состоятельный и всеми здесь почитаемый, он вращается в лучшем кругу.

— Дело в том,— отвечал Лежен,— что мистер Винаблз никак не может быть человеком, которого вы тогда видели.

Мистер Осборн подскочил в кресле.

— Нет, это был он. Я в этом совершенно уверен. Я прекрасно запоминаю лица, никогда не ошибаюсь.

— Боюсь, что на этот раз вы ошиблись,— проговорил Лежен мягко.— Видите ли, мистер Винаблз — жертва полиомиелита. Более трех лет у него парализованы ноги, он не может ходить.

— Полиомиелит,— воскликнул мистер Осборн.— Ах, боже, боже... Да, тогда конечно. И все-таки — извините меня, инспектор Лежен, надеюсь, вы не обидитесь,— но правда ли это? Есть у вас медицинское подтверждение?

— Да, мистер Осборн, есть. Мистер Винаблз — пациент сэра Уильяма Дагдейла, очень видного специалиста.

— А, конечно, конечно, это известнейший врач. Неужели я мог так ошибиться? Я был глубоко уверен. И зря только вас побеспокоил.

— Нет, нет,— перебил Лежен.— Ваша информация сохранила всю свою ценность. Ясно, что тот человек очень похож внешне на мистера Винаблза, а у мистера Винаблза внешность весьма приметная, так что ваши наблюдения нам очень пригодятся.

— Да, это правда,— мистер Осборн немного повеселел.— Представитель преступного мира, внешне напоминающий мистера Винаблза. Таких, конечно, немного. В документах Скотланд Ярда...

Он с надеждой посмотрел на инспектора.

— Все не так просто,— медленно проговорил Лежен.— Может быть, на того человека у нас вообще не заведено дело. А кроме того, вот вы и сами это сказали, тот человек может вообще не иметь отношения к убийству отца Германа.

Мистер Осборн опять сник.

— Да, неловко получилось. Словно это мои выдумки... А доведись мне выступать на суде, я бы давал показания с полной уверенностью, меня бы с толку не сбить.

Лежен молчал, задумчиво глядя на собеседника.

— Мистер Осборн, а почему бы вас нельзя было, как вы выражаетесь, сбить с толку?

Мистер Осборн изумился.

— Да потому, что я убежден. Я прекрасно вас понимаю, да, да. Винаблз не тот человек, бесспорно. И я не вправе настаивать на своем. А все-таки я настаиваю...

Лежен наклонился вперед.

— Вы, наверно, удивились, зачем это я к вам сегодня пожаловал? Я получил медицинское подтверждение, что мистер Винаблз здесь ни при чем, и все-таки я у вас, зачем?

— Верно. Верно. Так зачем же, инспектор?

— Я здесь у вас,— ответил Лежен,— потому что ваша убежденность подействовала на меня. Я решил проверить, на чем она основа-

на. Ведь вы помните, в тот вечер был густой туман. Я побывал в вашей аптеке. Постоял, где вы, на пороге, посмотрел на другую сторону. По-моему, вечером, да еще в туман, трудно разглядеть кого-нибудь на таком расстоянии, а уж черты лица рассмотреть вообще невозможно.

— В какой-то степени вы правы, действительно, опускался туман, но неровный, клочьями. Кое-где были просветы. И в такой просвет попал отец Горман. И поэтому я видел его и того человека очень ясно. Да, а еще тот человек, когда был как раз напротив моей двери, поднес к сигарете зажигалку. И профиль у него ярко осветился — нос, подбородок, кадык. Я еще подумал, какая необычная внешность. Понимаете?

Мистер Осборн замолк.

— Понимаю,— задумчиво сказал Лежен.

— Может, брат,— с надеждой произнес мистер Осборн.— Может, это его брат-близнец? Это бы разрешило все сомнения.

— Брат-близнец? — улыбнулся Лежен и покачал головой.— Удобный прием для романа. Но в жизни,— он снова покачал головой,— в жизни так не бывает. Не бывает.

— Это верно, не бывает. А если просто брат? Сильное сходство...

Мистер Осборн совсем опечалился.

— По нашим сведениям, у мистера Винаблэа братьев нет.

— По вашим сведениям?— повторил мистер Осборн.

— Хоть он по национальности и англичанин, родился он за границей, родители привезли его в Англию, когда ему уже было одиннадцать лет.

— И вам, значит, немногое о нем известно, то есть о его родных?

— Нет,— отвечал Лежен.— Узнать многое о мистере Винаблэе непросто, разве что мы бы его самого порасспросили, но мы не имеем права задавать ему какие бы то ни было вопросы.

Он сказал это намеренно. У полиции были возможности узнать, что необходимо, не обращаясь к самому мистеру Винаблэу, но об этом инспектор Осборну говорить не собирался.

— Итак, если бы не медицинское заключение,— спросил он, поднимаясь,— вы с уверенностью подтвердили бы свои слова?

— Да,— ответил мистер Осборн.— Это мой конек — запоминать лица.— Он усмехнулся.— Скольких я своих клиентов удивлял! Спрашиваю, бывало, как астма, лучше? Вы приходили ко мне в марте. С рецептом доктора Харгрейвза. Вот уж они удивлялись. Очень помогало мне в деле. Покупателям нравится, когда их помнят.

Лежен вздохнул.

— Такой свидетель, как вы, незаменим на суде,— сказал он,— Опознать человека — дело непростое, некоторые вообще не могут ничего толком сказать, бормочут только: «Да, по-моему, высокий. Волосы светлые — то есть не очень, но и не темные. Лицо обыкновенное. Глаза голубые, нет серые, хотя, может, и карие. Серый макинтош, а может, темно-синий».

Мистер Осборн рассмеялся.

— От таких показаний мало толку.

— Конечно, свидетель, как вы — это клад.

Мистер Осборн засиял от удовольствия.

— Это природное качество,— скромно ответил он.— Но я его развивал. И еще я неплохой фокусник. Веселю ребятишек на рождество. Извините, мистер Лежен, а что это у вас в кармане?

Он протянул руку и вытащил у инспектора из кармана маленькую пепельницу.

— Ну и ну, а еще в полиции служите!

Мистер Осборн весело расхохотался, а с ним и Лежен. Потом он вздохнул.

— Так мечтал об отдыхе. А теперь скучаю по аптеке, по людям. Подумываю поступить компаньоном к кому-нибудь в Борнемуте. Так и с вами, по-видимому, будет. Строите, наверное, планы спокойной жизни, а потом будете скучать по своей интересной работе.

Лежен улыбнулся.

— Работа полицейского не так романтична и интересна, как вам кажется, мистер Осборн. По большей части это упорный и тяжкий труд. Не всегда мы гоняется за преступниками по таинственным следам. Иногда это обычная, повседневная работа.

Мистера Осборна эти слова, казалось, ничуть не убедили.

— Вам лучше знать,— сказал он.— До свидания, мистер Лежен, и простите, что не сумел вам помочь. Если от меня что-нибудь потребуется — в любое время.

— Я дам вам тогда знать,— пообещал Лежен.

Глава XI

Рассказывает Марк Истербрук

1

Сначала Гермия. Потом Корриган.

Что же, может, я и в самом деле валяю дурака?

Принимаю вздор за истинную правду. Эта притворша и лгунья Гирза Грей совсем меня загипнотизировала. А я доверчивый и суеверный осел.

Я решил забыть обо всем этом деле. Что мне-то в конце концов? И в то же время у меня в ушах звучал голос миссис Колтроп:

— Вы должны что-то предпринять!

Хорошо ей — а что именно?

— Нужно, чтобы кто-то вам помог!

Я просил Гермию о помощи. Просил Корригана. Ни та, ни другой не согласились. Больше обращаться не к кому.

А что, если...

Я подумал.

И тут же подошел к телефону и позвонил миссис Оливер.

— Алло. Говорит Марк Истербрук.

— Слушаю.

— Не можете вы мне сказать, как зовут ту девушку, что была на празднике у Роуды?

— Как же ее зовут... Постойте... Да, конечно, Джинджер. Вот как.

— Это я знаю. А фамилия?

— Представления не имею. Теперь никогда не говорят фамилий. Только имена.— Миссис Оливер помолчала, а потом добавила.— Вы позвоните Роуде, она вам скажет.

Мне ее предложение не понравилось. Почему-то я испытывал неловкость.

— Нет, не могу,— сказал я.

— Но это же очень просто,— подбодрила меня миссис Оливер.— Скажите, что потеряли ее адрес, не можете вспомнить фамилию и что вы обещали ей прислать свою книгу или вернуть носовой платок — она его вам дала, когда у вас шла носом кровь,— или вы хотите ей дать адрес одних богатых знакомых, им нужно реставрировать картину. Подойдет? А то я могу еще что-нибудь придумать, если хотите.

— Подойдет, подойдет,— заверил я.

Через минуту я уже разговаривал с Роудой.

— Джинджер? — спросила Роуда.— Сейчас я тебе дам номер ее телефона. Каприкорн, 35987. Записал?

— Да, спасибо. А как ее фамилия?

— Фамилия? Корриган. Кэтрин Корриган. Что ты сказал?

— Ничего. Спасибо, Роуда.

Странное совпадение. Корриган. Двое Корриганов. Может быть, это предзнаменование.

Я набрал ее номер.

2

Джинджер сидела напротив меня за столиком в кафе, где мы договорились встретиться. Она выглядела точно так же, как и в Мач Дипинг,— шапка рыжих волос, симпатичные веснушки и внимательные зеленые глазки. Я на нее залюбовался.

— Найти вас было целое дело,— сказал я.— Не знаю ни фамилии, ни адреса, ни телефона. А у меня серьезная проблема.

— Так говорит моя приходящая служанка. Обычно это означает, что ей нужно купить новую кастрюльку или щетку — чистить ковер, или еще что-нибудь такое же скучное.

— Вам не придется ничего покупать,— заверил я.

И рассказал ей все. Рассказывать ей было легче, чем Гермии.— Джинджер уже знала «Белого Коня» и его обитателей. Кончив свой рассказ, я отвел взгляд. Мне не хотелось видеть ее реакцию. Не хотелось увидеть снисходительную усмешку или откровенное недоверие. Моя история звучала еще более по-идиотски, чем обычно. Никто (разве что миссис Колтроп) не мог понять моего состояния. Я рисовал вилкой узоры на пластиковой поверхности стола.

Джинджер спросила деловито:

— Это все?

— Все, — ответил я.

— И что вы собираетесь предпринять?

— А вы думаете — нужно?

— Конечно! Кто-то же должен этим заняться. Разве можно сидеть сложа руки и смотреть, как целая организация расправляется с людьми?

— А что я могу сделать?

Я готов был броситься ей на шею.

Она наморщила лоб. У меня потеплело на сердце. Теперь я не один.

Затем она задумчиво произнесла:

— Нужно выяснить, что все это значит.

— Согласен. Но как?

— Одна — другая возможность найдется. Может быть, я сумею помочь.

— Сумеете? Вы ведь целый день на работе.

— Можно многое сделать после работы.

Она снова задумчиво нахмурилась.

— Та девица, которая ужинала с вами после «Макбета», Пэм или как ее там. Она что-то знает.

— Да, но она перепугалась, не стала даже разговаривать со мной, когда я хотел ее расспросить. Она боится. Она не станет говорить.

— Вот тут-то я и смогу помочь,— уверенно заявила Джинджер.— Мне она скажет многое, чего ни за что не скажет вам. Устройте, чтобы мы все встретились, хорошо? Она с вашим приятелем и мы с вами. Поедем в варьете, поужинаем или еще что-нибудь.

Она вдруг остановилась.

— Только, наверно, это очень дорого?

Я сказал ей, что в состоянии понести такие расходы.

— Что до вас,— Джинджер задумалась.— По-моему,— продолжала она медленно,— вам лучше всего приняться за Томазину Такертон.

— Как? Она ведь умерла.

— И кто-то желал ее смерти, если ваши предположения верны. И устроил все через «Белого Коня». Есть две возможные причины. Мачеха или же девица, с которой Томми тогда подралась, у которой увела кавалера. Может быть, она собиралась за него замуж. Мачехе это было невыгодно или сопернице, если она любила того парня. Кстати, как звали соперницу, вы не помните?

— По-моему, Лу.

— Прямые пепельные волосы, средний рост, довольно полная?

Я подтвердил, что описание подходит.

— Кажется, я ее знаю. Лу Эллис. Она сама не из бедных.

— По ней не скажешь.

— А по ним никогда не скажешь, но это так. Во всяком случае, заплатить «Белому Коню» за услуги у нее бы нашлось. Вряд ли они работают бесплатно.

— Вряд ли.

— Придется вам заняться мачехой. Это вам легче, чем мне. Поезжайте к ней.

— Я не знаю, где она живет, и вообще...

— Хозяин того бара знает, где жила Томми. Да ведь — вот дураки мы с вами — в «Таймсе» было объявление о ее смерти. Надо только поглядеть подшивку.

— А под каким предлогом явиться к мачехе? — спросил я задумчиво.

Джинджер ответила, что это очень просто.

— Вы что-то из себя представляете,— заявила она.— Историк, читаете лекции, всякие у вас ученые степени. На миссис Такертон это произведет впечатление, и она будет вне себя от восторга, если вы к ней пожалуете.

— А предлог?

— Что-нибудь насчет ее дома,— туманно высказалась Джинджер.— Наверняка дом, если он старинный, представляет для историка интерес.

— К моему периоду отношения не имеет,— возразил я.

— А она об этом и не подумает,— сказала Джинджер.— Обычно все считают, если вещи сто лет, то она уже интересна для археолога или историка. А может, у нее есть какие-нибудь картины? Должны быть. В общем, договаривайтесь, поезжайте, постарайтесь ее к себе расположить, будьте очаровательны, а потом скажите, что знали ее дочь, то есть падчерицу, и какое горе и так далее... А потом неожиданно возьмите и упомяните «Белого Коня». Если хотите, пугните ее слегка.

— А потом?

— А потом наблюдайте за реакцией. Если ни с того ни с сего назвать «Белого Коня», она должна будет себя как-то выдать, я в этом убеждена.

— И если выдаст — что тогда?

— Самое главное — знать, что мы на верном пути. Если мы будем знать наверняка, тогда уж нас ничто не остановит.

Потом она задумчиво добавила:

— И еще. Как вы думаете, почему эта Тирза Грей так с вами разоткровенничалась? Почему она затеяла этот разговор?

— Разумный ответ один — просто у нее не все дома.

— Я не об этом. Я спрашиваю, почему именно вас она выбрала в наперсники? Именно вас? Не кроется ли в этом какая-то связь?

— Связь с чем?

— Постойте, я должна сообразить.

Я замолк. Джинджер покивала выразительно и сказала:

— Допустим, допустим так. Эта самая Пэм знает о «Белом Коне» весьма приблизительно — что-то слышала, кто-то при ней проговорился. На таких обычно при разговоре не обращают внимания, а у них между тем ушки на макушке. Может быть, кто-то услышал, как она вам проболталась тогда в ночном клубе, и взял ее на заметку. А потом вы к ней явились с расспросами, но ее напугали, и она не стала даже с вами разговаривать. Но и об этом, что вы приходили и расспрашивали ее, тоже узнали. Спрашивается: почему вас все это может интересовать? Причина одна — вы возможный клиент.

— Но подумайте...

— Это вполне логично, говорю вам. Вы что-то слышали, хотите разузнать побольше в своих собственных целях. Вскорости вы появляетесь на празднике в Мач Дипинг. Приходите на виллу «Белый Конь — наверно, сами попросили, чтобы вас туда взяли,— и что получается? Тирза Грей не мешкая приступает к деловым переговорам.

— Возможно и так.— Я подумал с минуту.— Как по-вашему, она действительно что-то такое умеет, Джинджер?

— У меня один ответ — ничего она не умеет. Но случаются всякие странные вещи. Особенно с гипнозом. Вот приказывают тебе: завтра в четыре часа пойди и откуси кусок свечки — и ты это проделываешь, сам не зная почему. В этом роде. А с Тирзой — не хочу верить, но ужасно боюсь: вдруг умеет.

— Да,— сказал я мрачно.— И у меня такое же чувство.

— Я могу потрясти немножко Лу,— задумчиво предложила Джинджер,— знаю, где ее можно встретить. Но самое главное — увидеться с Пэм.

Это мы устроили с легкостью. Дэвид был свободен, мы договорились поехать в варьете, и он явился в сопровождении Пэм. Ужинать мы отправились в «Фэнтази», и я заметил, что после продолжительного отсутствия — Джинджер и Пэм пошли пудрить нос — девушки вернулись друзьями. Никаких опасных тем по совету Джинджер в разговоре не затрагивали. Наконец мы распрощались, и я повез Джинджер домой.

— Особенно докладывать нечего,— весело объявила она.— Я успела пообщаться с Лу. Они поссорились из-за парня по имени Джин Плейдон. Отменная дрянь, насколько я знаю. Девчонки по нему с ума сходят. Он вовсю ухаживал за Лу, а тут появилась Томми. Лу говорит, он охотился за Томминими денежками. Одним словом, он бросает Лу, и она, конечно, в обиде. Она говорит, что ссора была пустяковая — слегка поцапались.

— Поцапались! Она у Томми половину волос выдрала.

— Я рассказываю, что слышала от Лу.

— Она, похоже, не очень скрытничала.

— Да, они все любят поговорить о своих делишках. Со всяким, кто только согласен слушать. В общем, у Лу теперь новый дружок — тоже отменный болван, но она от него без ума. Значит, ей вроде бы незачем обращаться к «Белому Коню». Я его упомянула, но она никак не прореагировала. По-моему, ее можно исключить из числа подозреваемых. Но с другой стороны, у Томми были серьезные планы насчет Джина. И Джин за ней ухаживал вовсю. А как с мачехой?

— Она за границей. Завтра приезжает. Я ей написал, просил разрешения заехать.

— Прекрасно. Мы взялись за дело. Будем надеяться, что оно у нас пойдет.

— Хорошо бы с толком!

— Толк будет,— бодро ответила Джинджер.— Да, кстати. Вернемся к отцу Горману. Считаю, что перед смертью та женщина сказала ему что-то такое, из-за чего его убили. А кто была эта женщина? Нет ли в ее истории чего-нибудь полезного для нас?

— Я о ней мало знаю. Кажется, ее фамилия была Дэвис.

— Ну, а побольше вы о ней не могли выведать?

— Я посмотрю.

— Если мы о ней выясним побольше, может, станет известно, как она узнала то, что узнала.

— Понимаю.

На другой день я позвонил Джиму Корригану и спросил его, что он знает об этой женщине.

— Кое-что, совсем немного. Ее настоящая фамилия — Арчер, и муж у нее был мелкий жулик. Она от него ушла и взяла свою девичью фамилию.

— А что за жулик? И где он сейчас?

— Да так, промышлял по мелочи. Воровал в универмагах. Всякие незначительные преступления. Несколько судимостей. А сейчас его уже нет — умер.

— Да, фактов немного.

— Немного. В фирме, где миссис Дэвис работала в последнее время — Учет спроса потребителей,— ничего о ней не знают.

Я поблагодарил его и повесил трубку.

Глава XII

Рассказывает Марк Истербрук

Через три дня мне позвонила Джинджер.

— У меня для вас кое-что есть,— сказала она,— фамилия и адрес. Записывайте.

Я взял записную книжку.

— Давайте.

— Брэдли — это фамилия, адрес — Бирмингам, Мьюнисипал-сквер Билдингз, 78.

— Черт меня побери, что же это?

— Одному богу известно. Мне — нет. И сомневаюсь, известно ли самой Пэм.

— Пэм? Так это...

— Ну, да. Я основательно поработала над Пэм. Я же вам говорила: из нее можно кое-что вытянуть, если постараться. Я ее разжалобила, а там все пошло как по маслу.

— Каким образом? — спросил я с интересом.

Джинджер засмеялась.

— Девушки должны друг друга выручать, и все такое. Вы не поймете.

— Что-то вроде профсоюза?

— Пожалуй. Одним словом, мы вместе пообедали, и я малость поскулила насчет своей любви и разных препятствий: женатый человек, жена ужасная, католичка, развода не дает, терзает его. И еще, что она тяжело больна, мучится, но может протянуть много лет. Ей бы самой лучше умереть. Хочу, говорю, воспользоваться услугами «Белого Коня», но не знаю, как до него добраться, и, наверно, они ужасно много заломят. Пэм говорит: да, наверняка, она слышала, что они просто обдирают людей. А я говорю: но у меня скоро будут средства — дядя, ужасный милашка, жалко, что он при смерти,— и это подействовало. Но как с ним связаться? И тогда Пэм выложила мне эту фамилию и адрес. Надо сперва повидаться с ним, уладить деловую сторону.

— Невероятно! — воскликнул я.

— Согласна.

Мы помолчали.

Потом я спросил недоверчиво:

— Она так прямо все и рассказывала? Не побоялась?

Джинджер ответила раздраженно:

— Вы не понимаете. Девушки друг другу что хочешь скажут. И кроме того, Марк, если это дело поставлено по-настоящему, нужна же им какая-то реклама. То есть им все время нужны новые «клиенты».

— Мы с ума сошли, если верим в такое.

— Пожалуйста. Сошли. Вы поедете в Бирмингам к мистеру Брэдли?

— Да. Я с ним повидаюсь. Если только он существует.

Я не очень-то верил, что есть такой человек. Но я ошибся. Мистер Брэдли существовал.

Мьюнисипал-сквер Билдингз представлял из себя гигантский улей — конторы, конторы. № 78 находилась на третьем этаже. На двери матового стекла было аккуратно выведено: «К. Р. Брэдли, комиссионер». А пониже мелкими буквами: «Входите».

Я вошел.

Маленькая приемная была пуста, дверь в кабинет полуоткрыта. Из-за двери послышался голос:

— Заходите, пожалуйста.

Кабинет был попросторнее. В нем стоял письменный стол, на столе телефон, удобные кресла, этажерка с отделениями для бумаг. За столом сидел мистер Брэдли.

Это был невысокий темноволосый человек с хитрыми черными глазами. Одетый в солидный темный костюм, он являл собой образец респектабельности.

— Закройте, пожалуйста, дверь, если вам не трудно.— попросил он.— И присаживайтесь. В этом кресле вам будет удобно. Сигарету? Не хотите? Итак, чем могу быть полезен?

Я посмотрел на него. Я не знал, как начать. Я не представлял себе, что буду говорить. И, наверно, просто с отчаяния, а быть может, под действием взгляда маленьких блестящих глаз я вдруг выпалил:

— Сколько?

Это его несколько озадачило, что я и отметил про себя с радостью, но совсем не так, как должно было озадачить. Он вовсе не подумал, как подумал бы я на его месте: посетитель не в своем уме.

Он слегка поднял брови.

— Ну и ну,— сказал он.— Времени вы не теряете.

Я гнул свое.

— Каков будет ваш ответ?

Он укоризненно покачал головой.

— Так дела не делают. Надо соблюдать должную форму.

Я пожал плечами.

— Как хотите. Что вы считаете должной формой?

— Мы ведь еще не представились друг другу. Я даже не знаю вашего имени.

— Пока что,— заявил я,— мне не хотелось бы называть себя.

— Осторожность?

— Осторожность.

— Прекрасное качество, хотя не всегда себя оправдывает. Кто прислал вас ко мне? Кто у нас общий знакомый?

— И опять-таки я не могу сказать. У одного моего друга есть друг, он знает вашего друга.

Мистер Брэдли кивнул.

— Да, так ко мне находят путь многие из моих клиентов,— сказал он.— Некоторые обращаются по очень деликатным вопросам. Вы, наверное, знаете, чем я занимаюсь?

Он и не думал ждать моего ответа, а поторопился сказать:

— Я комиссионер на скачках. Быть может, вас интересуют лошади? Перед последним словом он сделал еле заметную паузу.

— Я не бываю на скачках.

— Лошади нужны не только на скачках. Скачки, охота, упряжка. Ну, а меня привлекает конный спорт. Я заключаю пари.

Он помолчал с минуту и безразлично, пожалуй даже чересчур безразлично, произнес:

— Вы хотели бы поставить на какую-нибудь лошадь?

Я пожал плечами и сжег за собой мосты.

— На белого коня...

— А, прекрасно, чудесно. А сами-то вы, с позволения сказать, кажется, темная лошадка. Ха-ха! Спокойнее. Не надо волноваться.

— Это вам не надо волноваться,— ответил я грубовато.

Мистер Брэдли заговорил еще ласковее и успокоительнее:

— Я вас прекрасно понимаю. Но уверяю вас, волноваться незачем. Я сам юрист — правда, меня дисквалифицировали, иначе бы я здесь не сидел. Но смею вас заверить, я соблюдаю законы. Все, что я рекомендую, совершенно законно. Просто мы заключаем пари. Каждый волен заключать любые пари — будет ли завтра дождь, пошлют ли русские человека на Луну, родится ли у вашей жены один ребенок или близнецы. Вы можете поспорить о том, умрет ли мистер Б. до рождества и доживет ли миссис К. до ста лет. Вы исходите из соображений здравого смысла, или прислушиваетесь к своей интуиции, или как там это еще называется. Все очень просто.

Я чувствовал себя так, словно хирург пытался меня подбодрить перед операцией. Мистер Брэдли походил сейчас на врача.

Я медленно проговорил:

— Мне непонятно, что происходит на вилле «Белый Конь».

— И это вас смущает? Да, это смущает многих. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, и так далее, и тому подобное. Откровенно говоря, я и сам толком в этом не разбираюсь. Но результаты говорят за себя. Результаты удивительные.

— А вы не можете мне подробнее об этом рассказать?

Я уже по-настоящему вошел в роль — этакий осторожный нетерпеливый и изрядно трусящий простачок. Видимо, мистер Брэдли в основном имел дело с такими.

— Вы знаете эту виллу?

Я быстро сообразил, что врать ни к чему.

— Я — да, ну, я там был с друзьями. Они меня туда водили...

— Прелестная старая таверна. Представляет исторический интерес. И они ее восстановили с таким вкусом, просто сделали чудеса. Значит, вы с ней знакомы. С моей приятельницей мисс Грей?

— Да, да, конечно. Необыкновенная женщина.

— Вы это очень верно подметили. Необыкновенная женщина. Необыкновенный дар.

— Она утверждает, что ей дано совершать нечто сверхъестественное. Но... ведь это... ведь это невозможно?

— В том-то и дело. Это просто невообразимо. Все так говорят. В суде, к примеру...

Мистер Брэдли, сверля меня черными бусинками глаз, повторил свои слова с подчеркнутой выразительностью.

— В суде, к примеру, такое бы высмеяли. Если бы эта женщина предстала перед судом и созналась в убийстве, убийстве на расстоянии с помощью «силы воли» или еще какой-нибудь чепухи, к которой она прибегает, такое признание все равно не могло бы послужить основанием для судебного разбирательства! Даже если бы ее признание было правдой (во что разумные люди, как вы и я, ни на минуту не поверят), и тогда бы его нельзя было определить как нарушение законов. Убийство на расстоянии в глазах закона не убийство, а чистый вздор. В этом-то и вся соль, и вы сами можете ее оценить.

Я понимал, что меня успокаивают. Убийство, совершенное мистической силой, не рассматривается как убийство в английском суде. Найми я гангстера, чтобы тот убил кого-то по моей просьбе, меня привлекут к ответственности вместе с ним за соучастие. Но если я обращусь к Тирзе Грей, к ее черным силам, то черные силы не накажешь. Вот в чем, по мнению мистера Брэдли, заключалась вся соль.

Тут мой разум взбунтовался. Я не выдержал.

— Но, черт возьми, это же невероятно,— закричал я.— Я не верю. Этого не может быть.

— Я с вами согласен. Согласен полностью. Тирза Грей — необычная женщина, у нее редкий дар, но поверить в ее дар невозможно. Как вы правильно заметили, это фантастично. В наши дни никто не поверит, что можно послать волны мысли, или как их там, самому или через медиума, сидя в деревенском домике в Англии, и так вызвать смерть от естественных причин на Капри или где-то еще.

— И она себе приписывает такие возможности?

— Да. Конечно, она наделена особой силой. Она из Шотландии, а среди шотландцев много ясновидящих. В одно я верю: Тирза Грей знает заранее, что кому-то суждено умереть. Это редкостный дар. И она этим даром владеет.

Он наклонился вперед, разглядывая меня. Я молчал.

— Предположим на минуту такое. Кто-то, вы ли или другой человек, хочет знать, когда умрет, ну, скажем, бабушка Элайза. Иногда это нужно знать. Ничего в этом дурного, ничего ужасного — просто деловой подход. Какие нужно обдумать планы? Будут ли у нас деньги, положим, к ноябрю? Если вы знаете это наверняка, вы можете совершить выгодную сделку. Смерть ведь такая ненадежная вещь. Добрая старая Элайза с помощью докторов может протянуть еще с десяток лет. Вы этому только порадуетесь, вы привязаны к старушке, но знать точно не мешает.

Он помолчал, потом наклонился ко мне еще ближе.

— И тут на помощь прихожу я. Я заключаю пари. Какое угодно, условия мои, конечно. Вы обращаетесь ко мне. Естественно, вы не будете ставить на то, что старушка умрет. Это жестоко и не по душе вам. И мы оговариваем это так: вы спорите на определенную сумму, что бабушка Элайза будет жива и здорова, когда наступит рождество, а я спорю — что нет. Очень просто. Мы составляем договор и подписываем его. Я назначаю число. Я утверждаю, что к этому числу, может, неделей раньше или позже, по старушке Элайзе отслужат панихиду. Вы не согласны со мной. Если вы правы — я плачу вам, если я — вы платите мне!

Я заговорил хриплым голосом, снова входя в роль:

— Какие ваши условия?

Мистер Брэдли мгновенно переменился. Он заговорил весело, почти шутливо.

— С этого мы с вами начали. Вернее, с этого начали вы, ха-ха. «Сколько?» — говорите. Испугали меня не на шутку. Ни разу не видел, чтобы люди так брали быка за рога.

— Какие ваши условия?

— Это зависит от многого. В основном от суммы пари. Иногда от возможностей клиента. Если речь идет о надоевшем муже или шантажисте, сумма пари устанавливается с учетом того, какими средствами клиент располагает. И я не имею дела — вношу здесь полную ясность — с людьми бедными, за исключением случаев, когда речь идет о наследстве. Тогда мы исходим из размеров состояния бабушки Элайзы. Условия — по обоюдному согласию. Обычно из расчета пятьсот к одному.

— Пятьсот к одному? Круто берете.

— Но если бабушка Элайза вот-вот должна умереть, вы бы ко мне не пришли.

— А что, если проиграете?

Мистер Брэдли пожал плечами.

— Что ж поделаешь. Уплачу.

— А если я проиграю, я уплачу. А что, если я не стану платить?

Мистер Брэдли откинулся в кресле. Он прикрыл глаза.

— Не советую вам этого,— сказал он негромко.— Не советую.

Несмотря на тихий голос, каким было сказаны эти слова, меня пробрала дрожь. Он не произнес ни одной угрозы, но угроза чувствовалась ясно.

Я поднялся и сказал:

— Мне нужно все обдумать.

Мистер Брэдли опять превратился в любезного и обходительного человека.

— Конечно, обдумайте. Никогда не нужно спешить. Если вы решите заключить со мной сделку, приезжайте, и мы все обсудим. Время терпит. Торопиться некуда. Время терпит.

Я вышел, и мне все слышались эти слова: «Время терпит».

Глава XIII

Рассказывает Марк Истербрук

Я думал о предстоящем визите к миссис Такертон с величайшей неохотой. На эту встречу меня толкнула Джинджер, и я все еще

сильно сомневался, нужен ли такой шаг. Прежде всего я чувствовал, что не подхожу для роли, которую выбрал. Я сильно сомневался, смогу ли вызвать нужную реакцию, и знал, что совсем не умею притворяться.

Джинджер с потрясающей деловитостью, которая у нее появлялась в нужных случаях, давала мне по телефону последние наставления.

— Все очень просто. Ее дом строил Нэш*. Не обычный для него стиль, а один из псевдоготических полетов фантазии.

— А зачем он мне понадобился, этот дом?

— Собираетесь писать статью о факторах, которые влияют на изменение архитектурного стиля. Что-нибудь в этом роде.

— Сразу видно, что вранье,— сказал я.

— Глупости,— уверенно заявила Джинджер.— Когда говорят о науке, то возникают дикие теории, о них рассуждают и пишут в самом серьезном тоне и самые неожиданные люди. Я могу вам процитировать целые главы невероятного бреда.

— Вот вам и лучше к ней поехать.

— Ошибаетесь,— ответила Джинджер.— Миссис Т. может найти вас в справочнике, и это произведет на нее должное впечатление. А меня она не найдет.

Это тоже меня не убедило, хоть ответить было нечего.

Когда я вернулся после встречи с мистером Бредли, мы с Джинджер подробно все обсудили. Ей это казалось менее невероятным, чем мне. Она даже испытывала определенное удовлетворение.

— Теперь хоть ясно, что мы ничего не выдумываем,— заметила она.— Теперь мы знаем, что существует организация, которая устраняет неугодных людей.

— Сверхъестественными средствами!

— Если бы мистер Брэдли оказался знахарем или астрологом, можно было бы не верить. Но раз это гнусный и подлый мелкий жулик — во всяком случае, так я поняла из ваших слов...

— Близко к истине,— вставил я.

— ...тогда все обретает реальность. Пусть это кажется сущим вздором, но три дамы из виллы «Белый Конь» располагают какими-то возможностями и добиваются своего.

— Если вы так уверены, зачем тогда нужна миссис Такертон?

— Лишний раз проверить,— ответила Джинджер.— Мы знаем, какие силы приписывает себе Тирза Грей. Мы знаем, как у них поставлена денежная сторона. Кое-что нам известно о трех их жертвах. Нужно разузнать кое-что и о клиентах.

— А что, если миссис Такертон не проявит себя клиенткой?

— Придется тогда искать другие пути.

— А я вообще могу все испортить,— сказал я уныло.

Джинджер ответила, что не нужно так плохо о себе думать.

И вот я у дверей виллы «Кэрраузй Парк». И она совсем не совпадает с моим представлением о домах, которые строил Нэш. Джинджер пообещала мне последнюю книгу по архитектуре, но вовремя не достала, так что я был плохо подкован в этой области.

Я позвонил, болезненного вида дворецкий открыл мне дверь.

— Мистер Истербрук? — спросил он.— Миссис Такертон вас ждет.

Он провел меня в вычурно обставленную гостиную. Комната производила неприятное впечатление. Все в ней было дорогое, но безвкусное. Одна или две хорошие картины терялись среди множества плохих. Мебель была обита желтой парчой. Меня отвлекла от дальнейших наблюдений сама миссис Такертон. Я с трудом поднялся из глубин желтопарчового дивана.

Не знаю, чего я ожидал, но вид хозяйки дома совершенно меня обескуражил. Ничего в ней не было устрашающего — всего-навсего обычная средних лет женщина. Не очень интересная, подумал я, и не слишком привлекательная. Губы под щедрым слоем помады тонкие и злые. Слегка срезанный подбородок. Светло-голубые глаза, которые, казалось, отмечают цену всего, что видят. Женщин ее типа можно часто встретить, только они не так дорого одеты и не так искусно намазаны.

— Мистер Истербрук? — она явно была в восторге от моего визита.— Счастлива с вами познакомиться. Подумать только, вас заинтересовал мой дом! Я знаю, его строил Джон Нэш, муж мне говорил, но вот уж не думала, что такой человек, как вы, проявит к нему интерес!

— Видите ли, миссис Такертон, это не совсем обычный для Нэша стиль, и поэтому... э...

Она сама меня выручила:

— К сожалению, я ничего не понимаю ни в архитектуре, ни в археологии и вообще в таких вещах. Но простите мне мое невежество.

Я охотно простил. Оно меня устраивало.

— Конечно, все это ужасно интересно! — сказала миссис Такертон.

Я отвечал, что мы, специалисты, наоборот, ужасно скучны и нудны, когда рассуждаем о своем предмете.

Миссис Такертон запротестовала, что этого не может быть и предложила сперва выпить чаю, а потом уже осматривать дом или, если я хочу, сперва осмотреть дом, а потом выпить чаю.

Я не рассчитывал на чай — мы договорились, что я приеду в половине четвертого,— и попросил ее сначала показать мне дом.

Она сказала, что дом скоро будет продан, и уже, кажется, есть покупатель.

— Он стал слишком велик для меня одной — после смерти мужа. А мне не хотелось бы водить вас по опустевшему дому. Как следует оценить дом можно только, если в нем живут, не правда ли, мистер Истербрук?

Я бы предпочел видеть этот дом без мебели и без нынешних обитателей, но этого, естественно, сказать не мог. Я спросил ее, собирается ли она жить где-нибудь поблизости.

— По правде говоря, нет. Я еще хочу путешествовать. Где-нибудь, где яркое солнце. Ненавижу этот гадкий климат. Хочу провести зиму в Египте. Я там побывала два года назад. Дивная страна, но вы-то, наверно, лучше моего ее знаете.

Я ничего не знаю о Египте и так и сказал.

— Скромничаете, наверное,— ответила она весело.— Вот столовая. Октогональная, правильно я говорю? Нет углов.

Я сказал, правильно, и похвалил пропорции.

Вскоре, закончив осмотр, мы вернулись в гостиную, и миссис Такертон позвонила, чтобы подавали чай.

Вызвать миссис Такертон на разговор особого труда не представляло. Она любила поговорить. Особенно о себе. Я внимательно слушал, вставлял, где надо, восклицания и вопросы, и скоро я многое узнал о миссис Такертон. Узнал и много такого, о чем она не подозревала.

Узнал, что она вышла замуж за Томаса Такертона, вдовца, пять

---

* Известный английский архитектор.

лет назад. Она была «много-много младше его». Познакомилась с ним на курорте, где она служила в большом отеле. Она и не заметила, как упомянула об этом. Его дочь была в школе неподалеку.

— Бедный Томас, он был так одинок... Его первая жена умерла за несколько лет до этого, и он очень тосковал по ней.

Миссис Такертон продолжала набрасывать свой портрет. Благородная, добросердечная женщина пожалела одинокого, стареющего человека. Его слабое здоровье — ее преданность.

— Хотя в последние месяцы его болезни я даже не могла видеться ни с кем из своих друзей.

А что, если некоторых ее приятелей Томас Такертон недолюбливал, подумал я. Это может объяснить условия завещания.

Джинджер успела узнать все о завещании Такертона.

Кое-что оставлено старым слугам, крестникам, содержание жене — достаточное, но не слишком щедрое. А весь свой капитал, исчисляемый шестизначным числом, он завещал дочери, Томазине Энн; эти деньги должны были перейти в ее полное владение, когда ей исполнится двадцать один год или до того, если она выйдет замуж. Если она умрет, не достигнув двадцати одного года и не будучи замужем, наследство переходит к ее мачехе. Других родственников у Такертона, кажется, не было.

Награда, подумал я, не маленькая. А миссис Такертон любила деньги... Это было видно по всему. Своих у нее никогда не было, пока она не вышла замуж за пожилого вдовца. И тогда, видно, богатство бросилось ей в голову. Мешал больной муж; и она мечтала о том времени, когда будет свободной, и все еще молодой владелицей богатств, какие ей и не снились.

И вместо этого все деньги достались дочери! Она стала богатой наследницей. Девчонка завладела всем. А что, если... Что, если? Можно ли себе представить, что эта вульгарная блондинка, сыплющая прописными истинами, способна отыскать пути к «Белому Коню» и обречь ни в чем не повинную девушку на смерть?

Нет, я не мог в это поверить.

Однако мне надо выполнить свою задачу. Я довольно резко перебил ее:

— А знаете, я ведь как-то раз видел вашу дочь, то есть падчерицу.

Она взглянула на меня удивленно, но без особого интереса.

— Томазину? Что вы говорите?

— Да, в Челси.

— Ах, в Челси. Конечно, где же еще...

Она вздохнула.

— Теперешние девушки. Так с ними трудно. Отец очень расстраивался. Меня она ни в грош не ставила. Мачеха, сами понимаете...

— Да, это всегда нелегко.

— Я со многим мирилась, старалась, как могла, но никакого толку. А потом она связалась с весьма нежелательной компанией.

— Я это понял.

— Бедняжка Томазина — продолжала миссис Такертон, поправляя волосы.— Вы ведь, наверно, еще не знаете. Она умерла около месяца назад. Энцефалит — так внезапно, так ужасно.

— Я знал, что она умерла.

Я поднялся.

— Благодарю вас, миссис Такертон, за то, что вы показали мне дом.

Мы пожали друг другу руки.

Уже на выходе я обернулся.

— Кстати,— сказал я.— Вы, по-моему, знаете виллу «Белый Конь», не правда ли?

Глаза ее выразили беспредельный ужас. Под густым слоем косметики лицо побелело и исказилось от страха.

— Белый конь? Какой белый конь? Я не знаю ни про какого белого коня.

Я позволил себе легкое удивление.

— О, извините. В Мач Дипинг есть любопытная старинная таверна. Я там побывал как-то на днях. И я был совершенно уверен, что кто-то упомянул там ваше имя — хотя, быть может, говорили о вашей падчерице, она там была, что ли... или о какой-нибудь вашей однофамилице. — Я выдержал эффектную паузу.— Об этой таверне рассказывают много интересного.

В одном из зеркал на стене я увидел лицо миссис Такертон. Она очень, очень испугалась.

Глава XIV

Рассказывает Марк Истербрук

1

— Ну, теперь сомневаться не приходится,— сказала Джинджер.

— А мы и раньше не сомневались.

— Да, но сейчас все полностью подтвердилось.

Я помолчал с минуту. Я себе представил, как миссис Такертон едет в Бирмингам. Встречается с мистером Брэдли. Ее волнение — его успокаивающий тон. Он убедительно втолковывает ей, что нет никакого риска. (А втолковать ей это было делом нелегким — миссис Такертон не из тех, кто идет на риск). Я представил себе, как она уезжает, ничем себя не связав, решив все хорошенько обдумать. Возможно, она поехала навестить падчерицу. Или же падчерица приехала домой на воскресенье. Они, возможно, поговорили, девушка намекнула о предстоящем замужестве. А мачеха все время думает о деньгах — не о жалких грошах. о подачке, а об огромных деньгах, целой куче денег, о деньгах, с которыми все на свете для тебя открыто! И подумать, такое богатство достанется, этой невоспитанной, распущенной девчонке, в джинсах и бесформенном свитере шатающейся по барам Челси со своими распущенными дружками. Почему это ей, девчонке, от которой нечего ждать никакого толку, достанутся такие денежки?

И вот — еще одна поездка в Бирмингам. Больше осторожности, больше уверенности. Наконец обсуждаются условия. Я невольно улыбнулся. Тут мистеру Брэдли много не урвать. Эта дама умеет торговаться. Но вот, наконец, об условиях договорились, подписали какую-то бумажку, и что же дальше?

Здесь воображение мне отказало. Дальнейшее представить себе было невозможно.

Я очнулся от своих мыслей и заметил, что Джинджер наблюдает за мной.

— Рано или поздно,— сказала она,— кто-то должен выяснить, что же все-таки происходит в «Белом Коне».

— Как?

— Не знаю. Это нелегко. Никто, кому пришлось там побывать, кто обращался к ним за услугами, никогда не скажет об этом ни слова. Но, кроме них, никто ничего не знает. Задача не из легких... Интересно...

— А что, если обратиться в полицию? — предложил я.

— Правильно. У нас теперь есть кое-какие данные. Их достаточно, чтобы возбудить дело, как вы думаете?

Я в сомнении покачал головой.

— Не знаю. Всякий вздор насчет подсознательного стремления к смерти. Может, и не вздор, но как это прозвучит в суде? Мы ведь не имеем представления, что там делают, на этой вилле.

— Значит, нужно выяснить, что. Но как?

— Нужно все услышать и увидеть своими глазами. Но спрятаться там негде.

Джинджер энергично тряхнула головой и сказала:

— Есть только один путь. Нужно стать настоящим клиентом.

— Настоящим клиентом?

— Да. Вы или я, неважно, хотим убрать кого-то с дороги. Один из нас должен обратиться к Брэдли и договориться с ним.

— Не нравится мне это,— резко сказал я.

— Почему?

— Мало ли что может случиться?

— С нами?

— Возможно, и с нами. Но я думаю сейчас о жертве. Нам нужна жертва, мы должны назвать Брэдли какое-то имя. Его можно выдумать. Но они ведь станут проверять, почти наверняка станут, как вы думаете?

Джинджер помолчала минуту и кивнула головой.

— Да. Жертва должна быть определенным человеком с определенным адресом.

— Вот это мне и не по душе,— сказал я.

— И у нас должна быть веская причина избавиться от нее.

Мы замолчали, обдумывая свои возможности.

— Этот человек должен согласиться на наше предложение — а разве кто захочет?

Джинджер отвечала:

— Допустим, вы или я (мы это обдумаем) мечтаем от кого-то избавиться. От кого, например? Есть у меня милейший дядюшка Мервин — мне после его смерти достанется изрядный куш. У него только два наследника — я и еще кто-то в Австралии. Вот вам и причина. Но ему уже за семьдесят, и он немного свихнулся, и всякий поймет, что разумнее подождать немного,— разве что я попала в безвыходное положение и мне страшно нужны деньги, а в это никто не поверит. Кроме того, он душенька, я его нежно люблю, и свихнулся он там или нет, он обожает жизнь, и я не хочу рисковать ни одной минутой его жизни. А вы? Есть у вас родственники, от которых вы ждете наследства?

Я покачал головой.

— Ни одного.

— Скверно. А если выдумать шантаж? Хотя уж больно много возни. Кому придет в голову вас шантажировать? Будь вы еще член парламента или министр, который пошел в гору. Или я. То же самое. Пятьдесят лет назад все было бы очень просто. Компрометирующие письма или фотографии в голом виде, а теперь никто и внимания не обратит. Теперь можно смело поступать, как герцог Веллингтонский, сказать им: «Печатайте — и идите к черту!» Ну что же еще? Двоеженство? — Она взглянула на меня с упреком.— Какая жалость, что

вы никогда не были женаты. А то бы мы что-нибудь состряпали.

Меня выдало лицо. Джинджер сразу заметила.

— Простите. Я потревожила старую рану?

— Нет. Рана уже зажила. Это было давно.

— Вы были женаты?

— Да. Еще студентом.

— А что же случилось?

— Мы поехали в Италию на каникулы. Автомобильная катастрофа. Ее убило на месте.

— А как же вы?

— Она ехала в машине с другим.

Джинджер, видимо, поняла, как все было. Как я был потрясен, когда узнал, что девушка, на которой я женился, не из тех, кто хранит верность своему мужу. Джинджер снова вернулась к делу:

— Вы поженились в Англии?

— Да. В отделе регистрации браков в Питерборо.

— А умерла она в Италии.

— Да.

— Значит, в Англии ее смерть не оформлена документом?

— Нет.

— Тогда чего же вам еще нужно? Все очень просто. Вы безумно влюблены в кого-то и хотите жениться, но не знаете, жива или еще ваша супруга. Вы расстались с ней много лет назад и с тех пор ничего о ней не слыхали. И вдруг она появляется как снег на голову, отказывает вам в разводе и грозит пойти к вашей девушке и все ей выложить.

— А кто моя девица? — спросил я в некотором недоумении.— Вы?

Джинджер возмутилась:

— Конечно, нет. Я не тот тип. Я свободно могу на все махнуть рукой и жить во грехе. Нет, вы отлично знаете, кого я имею в виду,— вот она подходит. Та величественная брюнетка, с которой вы всюду бываете. Очень образованная и серьезная.

— Гермия Рэдклифф?

— Она. Ваша девушка.

— Кто вам про нее рассказал?

— Пэм, конечно. Она, кажется, богата?

— Очень. Но ведь...

— Ладно, ладно. Я же не говорю, что вы женитесь на ней ради денег. Вы не из таких. Но подлые типы вроде Брэдли могут в это поверить... Прекрасно. Дело обстоит так. Вы собираетесь жениться на Гермии, как вдруг появляется жена. Приезжает в Лондон — и начинается история. Вы настаиваете на разводе — жена ни в какую. У нее мстительный нрав. И тут вы прослышали про виллу «Белый Конь». Держу пари на что угодно — Тирза и полоумная Белла решили тогда, что именно потому вы к ним и явились. Они это приняли за предварительное посещение, и поэтому Тирза так и разоткровенничалась. Она рекламировала свое дело.

— Возможно.

Я мысленно вернулся к этому дню.

— И вскоре после этого вы отправились к Брэдли, это тоже подтверждает ваши намерения. Вы на крючке. Вы возможный клиент.

— И все-таки они будут очень тщательно меня проверять.

— Непременно,— согласилась Джинджер.

— Выдумать фиктивную жену очень просто, но они потребуют деталей — где она живет и все такое, и когда я начну вилять...

— Вилять не понадобится. Чтобы все прошло гладко, нужна супруга, и супруга будет! А теперь мужайтесь — супругой буду я!

2

Я посмотрел на нее. Или, вернее сказать, вытаращил глаза. Удивительно, как она не расхохоталась.

Постепенно я пришел в себя, и Джинджер продолжала.

— Не пугайтесь,— сказала она.— Я вам не делаю предложения.

Я обрел дар речи.

— Вы сами не понимаете, что говорите.

— Прекрасно понимаю. То, что я предлагаю, вполне осуществимо, и не придется втягивать в эту опасную затею ни в чем не повинных людей.

— Это значит втягивать вас в опасную историю.

— А это уж мое дело.

— Нет, не только. И вообще все это шито белыми нитками.

— Ничего подобного. Я все обдумала. Я снимаю меблированную квартиру, въезжаю туда с чемоданами в заграничных наклейках. Говорю, что я миссис Истербрук,— а кто может это опровергнуть?

— Любой, кто вас знает.

— Кто меня знает, меня не увидит. На работе я скажусь больной. Волосы выкрашу — кстати, ваша жена была брюнетка или блондинка? — хотя в наше время это не имеет значения.

— Брюнетка,— ответил я машинально.

— Вот и хорошо, ненавижу перекись. Намажусь, накрашусь, оденусь по-другому — и родная мать меня не узнает. Вашу жену никто не видел уже пятнадцать лет, никто и не сообразит, что это не она. И почему на вилле «Белый Конь» должны в этом усомниться? Они могут проверить регистрацию брака в архиве. Разузнать про вашу дружбу с Гермией. У них не возникнет сомнений.

— Вы не представляете себе всех трудностей, всего риска.

— Риск! Ни черта! — сказала Джинджер. — Мечтаю помочь вам содрать несколько сот фунтов с этой акулы Брэдли.

Я поглядел на нее — она вызывала у меня восхищение. Рыжая голова, веснушки, бесстрашное сердце. Но я не мог позволить ей идти на такой риск.

— Я не могу этого допустить, Джинджер,— сказал я.— А вдруг что-нибудь случится?

— Со мной?

— Да.

— А разве это не мое дело?

— Нет. Я вас втянул в эту историю.

Она задумчиво покивала.

— Что ж, может, и так. Но теперь уже неважно. Мы оба в этом заинтересованы, и мы должны что-то предпринять. Я говорю вполне серьезно. Марк, я ни на минуту не думаю, будто все это очень весело. Если мы не ошибаемся и то, что мы думаем, правда — это гнусное, мерзкое дело. И ему надо положить конец. Это ведь не убийство под горячую руку на почве ревности, или ненависти, или просто алчности — в таких случаях убийца подвергает и себя смертельной опасности. Тут убийство поставлено на деловую основу — убийство как прибыльное занятие. Конечно, если все это правда.

— Мы же знаем, что это правда,— сказал я.— Потому я и боюсь за вас.

Джинджер положила локти на стол и принялась меня убеждать. Мы снова обсудили все со всех сторон.

Джинджер сделала окончательные выводы.

— Дело обстоит так. Я предупреждена и вооружена. Я знаю, что со мной собираются сделать. И не верю ни на минуту, что им это

удастся. Если у каждого есть подсознательное стремление к смерти, то у меня оно, видно, недостаточно развито. И здоровье у меня отличное. Не думаю, чтобы у меня вдруг объявились камни в желчном пузыре или менингит из-за того, что Тирза нарисует на полу несколько пятиугольников, а Сибил впадет в транс или еще от каких-нибудь штучек.

— Белла, по-моему, приносит в жертву белого петуха,— задумчиво добавил я.

— Признайтесь, это ведь ужасный вздор.

— Откуда мы знаем, что там на самом деле происходит,— возразил я.

— Не знаем. И должны узнать. Но неужели вы верите, что из-за каких-то колдовских обрядов в сарае виллы «Белый Конь» я в своей лондонской квартире могу смертельно заболеть? Неужели?

— Нет,— ответил я.— Не верю.

И добавил:

— И все-таки, кажется, верю.

Мы поглядели друг на друга.

— Да,— промолвила Джинджер.— В этом наша слабость.

— Послушайте,— начал я.— Давайте сделаем наоборот. Я буду в Лондоне. Вы — клиент. Что-нибудь сообразим.

Джинджер решительно покачала головой.

— Нет, Марк,— сказала она.— Так ничего не выйдет. По многим причинам. Главное, они меня уже знают, и могут все обо мне выведать у Роуды. А вы в отличном положении — нервничающий клиент, вынюхиваете что-то, боитесь. Нет, пусть будет так.

— Не нравится мне это. Вы будете одна, под чужим именем, и некому за вами приглядеть. По-моему, прежде чем начать, нужно обратиться в полицию.

— Согласна,— медленно произнесла Джинджер.— Это необходимо. Куда? В Скотланд-Ярд?

— Нет,— сказал я.— К инспектору полиции Лежену. Так будет лучше всего.

Глава XV

Рассказывает Марк Истербрук

Мне сразу понравился полицейский инспектор Лежен. Было видно, что это человек дельный. И кроме того, человек с воображением.

Он сказал:

— Доктор Корриган говорил мне о вас. Его заинтересовало это дело с самого начала. Отца Гормана у нас любили и почитали. Так вы говорите, раздобыли интересные сведения?

Я рассказал ему о первом упоминании виллы «Белый Конь» в ночном клубе. Описал свой визит к Роуде и как меня представили «трем странным сестрам». Передал, насколько мог точно, разговор с Тирзой Грей.

— И вы восприняли всерьез то, что она сказала?

Я смутился.

— Да нет, конечно. То есть я не поверил.

— Не поверили? А мне кажется, поверили.

— Вы правы. Просто неловко в этом сознаться.

Лежен улыбнулся.

— Но чего-то вы недоговариваете. Вас уже интересовала эта история, когда вы приехали в Мач Дипинг. Почему?

— Наверно, из-за того, что эта девушка так перепугалась.

— Юная леди из цветочной лавки?

— Да. Она нечаянно ляпнула про «Белого Коня». И то, что она так испугалась, навело на мысль: есть от чего пугаться. А потом я встретил доктора Корригана, и он рассказал мне про этот список. Двух людей из списка я уже знал. Они умерли. Еще одно имя показалось знакомым. И потом я узнал, что она тоже умерла.

— Это вы о миссис Делафонтейн?

— Да.

— Продолжайте.

— Я решил разузнать обо всем этом побольше.

— И принялась за дело. Как?

Я рассказал ему о своей поездке к миссис Такертон. Наконец, я подошел к мистеру Брэдли и его конторе в Мьюнисипал-сквер Билдингз в Бирмингаме.

Он слушал с огромным интересом.

— Брэдли,— сказал он.— Значит, Брэдли в этом замешан?

— А вы его знаете?

— О да, нам о мистере Брэдли все известно. Он нас изрядно поводил за нос. К нему не подкопаешься. Мог бы написать книгу вроде поваренной — «Сто способов, как обойти закон». Но убийство, организованное убийство — это как будто не по его части.

— А вы не можете ничего предпринять? Ведь я вам многое рассказал.

Лежен медленно покачал головой.

— Нет, ничего. Во-первых, свидетелей вашего разговора нет. И он может все отрицать. Кроме того, он вам правильно сказал: можно заключить любое пари. Он бьется об заклад, что кто-то умрет,— и проигрывает. Ничего преступного в этом нет. Нам нужны какие-то веские улики против Брэдли, а где их возьмешь? Не так-то просто.

Он пожал плечами, а потом спросил:

— Вы, случайно, не встречали человека по фамилии Винаблз в Мач Дипинг?

— Встречал. И даже был у него в гостях.

— Ага! Какое он на вас произвел впечатление?

— Сильное! Огромная воля — ведь он калека.

— Да. Результаты полиомиелита.

— Передвигается в кресле на колесах. Но не утратил интереса к жизни, умения наслаждаться жизнью.

— Расскажите мне о нем.

Я описал дом Винаблза, его коллекцию, его всесторонние интересы.

Лежен сказал:

— Жаль.

— Что жаль?

— Что Винаблз — калека.

— Простите меня, но вы твердо знаете, что он калека? Он не симулирует?

— Нет. О состоянии его здоровья имеется свидетельство сэра Уильяма Дагдейла, человека прекраснейшей репутации. Мистер Осборн, может, и уверен, будто видел тогда Винаблза. Но тут он ошибается.

— Понятно.

Лежен внимательно взглянул на меня.

— Давайте подытожим, что у нас есть. Можно предполагать существование агентства или фирмы, которая специализируется на убийствах нежелательных для кого-либо людей. Она не использует наемных убийц или гангстеров... Ничем не докажешь, что жертвы погибли не от естественных причин. Я могу добавить, что у нас есть кое-какие сведения о подобных же случаях: смерть от болезни, но кто-то наживается на этой смерти. Доказательств же никаких, учтите. Все это очень хитро придумано, чертовски хитро, мистер Истербрук. Придумано человеком с головой. А у нас всего-навсего несколько фамилий, и то мы их получили случайно, когда женщина исповедалась перед смертью.

Он сердито нахмурился и продолжал:

— Эта Тирза Грей, говорите, похвалялась перед вами своим могуществом. Что ж, она может оставаться безнаказанной. Она не виновата перед законом. Она и в глаза не видела тех, кто умер, мы проверяли, и отравленных конфет им не посылала. По ее собственным словам, она просто сидит у себя дома и использует телепатию! Да в суде нас засмеют!

Тут я выпалил:

— По-моему, кое-что можно сделать. Мы с приятельницей тут разработали один план. Он, наверно, покажется вам глупым.

— А об этом уж позвольте мне судить.

— Прежде всего я понял из ваших слов, что вы уверены в существовании такой организации и в том, что она действует?

— Безусловно, действует.

— Но вы не знаете как. Первые шаги ясны. Человек — мы назовем его клиент — попадает в Бирмингам к мистеру Брэдли. Он, видимо, подписывает какое-то соглашение, и его посылают на виллу «Белый Конь». А вот что происходит там? Кто-то должен это выяснить.

— Продолжайте.

— Пока мы не узнаем, что все-таки делает Тирза Грей, мы не можем пойти дальше. Ваш доктор Корриган говорит, что это — сплошной вздор,— но так ли это?

Лежен вздохнул.

— Я буду с вами говорить неофициально. Всякое сейчас бывает. Кто бы поверил семьдесят лет назад, что можно услышать, как пробил Большой Бен, и через минуту до вас снова донесутся его удары? А их просто доносят два разных вида звуковых волн. И никакой чертовщины. Кто бы поверил, что можно услышать голос человека из Нью-Йорка — и безо всяких проводов? Кто бы поверил... Э, да сколько всего, что сегодня даже малые дети знают.

— Другими словами, все возможно?

— Именно. Вдруг Тирза что-нибудь изобрела?

— Да. И то, что кажется сегодня сверхъестественным, завтра — достояние науки.

— Но помните, я говорю с вами неофициально,— повторил инспектор Лежен.

— А я предлагаю: я отправлюсь туда и постараюсь убедиться своими глазами.

Лежен недоверчиво взглянул на меня.

— Шаги уже предприняты,— добавил я.

Глава XVI

Рассказывает Марк Истербрук

Я не испытывал ни малейшего волнения, когда явился к Брэдли во второй раз. По правде говоря, этот второй визит просто доставил мне удовольствие.

Мистер Брэдли встретил меня улыбкой.

— Рад вас видеть,— сказал он, протягивая мне пухлую руку.— Все обдумали? Торопиться некуда, как я вам уже говорил.

Я ответил:

— Нет, мое дело не терпит отлагательств...

Брэдли оглядел меня с ног до головы. Он заметил мое волнение, заметил, как я отводил глаза, не знал, куда девать руки, уронил шляпу.

— Ну что ж,— ответил он.— Посмотрим, что можно сделать. Вы хотите заключить какое-то пари? Вот и прекрасно — отвлекает от дурных мыслей.

— Дело вот в чем,— начал я и смолк.

— Давайте говорить так. Что-то вас беспокоит. Вы встречаете у меня сочувствие и хотите поделиться со мной своими неприятностями. Я человек опытный, могу дать разумный совет. Как вы на это смотрите?

Я смотрел положительно и начал свой рассказ.

Мистер Брэдли был отличным собеседником — вставлял, где нужно, одобрительные замечания, помогал выразить мысль. Он был так добр и внимателен, что я без затруднений выложил ему все о себе и о Дорин.

В подробности я особенно не вдавался. И если мистер Брэдли решил, что моя молодая жена ушла к другому, это меня вполне устраивало.

— А что она сейчас натворила?

Я объяснил: натворила она вот что — решила вернуться ко мне.

— А вы ничего о ней с тех пор не знали?

— Может быть, это покажется странным, но я о ней не думал. Я был почему-то уверен, что ее уже нет в живых.

— А почему вы были в этом уверены?

— Она мне не писала. Я никогда о ней ничего не слышал.

— Вы хотели забыть ее навсегда?

— Да,— отвечал я с благодарностью.— Видите ли, я раньше не думал жениться вторично...

— А теперь подумываете?

— Как вам сказать,— промямлил я.

— Ну же, не стесняйтесь доброго дядюшки,— подбадривал меня ужасный Брэдли.

Я смущенно признался, что да, в последнее время у меня возникли мысли о браке...

Но тут я заупрямился и про свою любимую разговаривать не пожелал. Я не намерен впутывать ее в эту историю.

Брэдли не настаивал. Вместо этого он сказал:

— Вполне естественно. Вы прошли тяжелые испытания. А теперь нашли подходящую подругу. Способную делить с вами литературные вкусы, ваш образ жизни. Настоящего друга.

Я понял: он знает про Гермию. Это было несложно. Если он наводил обо мне справки, то, конечно, узнал, что у меня лишь одна

близкая приятельница. Получив мое письмо, в котором я назначил ему вторую встречу, Брэдли, должно быть, не поленился разузнать все, что мог, про меня и про Гермию.

— А почему бы вам не развестись? — спросил он.— Разве это не лучший выход из положения?

— Это невозможно. Она, моя супруга, слышать об этом не хочет.

— Ай-ай-ай. Простите, а как она к вам относится?

— Она... э... она хочет вернуться. И ничего не желает слушать. Знает, что у меня кто-то есть, и... и...

— Делает гадости. Ясно. Да, здесь только один выход. Но она совсем еще молода...

— Она еще проживет годы и годы,— с горечью ответил я.

— Как знать, мистер Истербрук. Вы говорите, она жила за границей?

— По ее словам, да. Не знаю где.

— А может, на востоке? Иногда там люди подхватывают какой-нибудь микроб, он много лет дремлет в организме, а потом вы возвращаетесь на родину, и он начинает свою разрушительную работу. Я знаю подобные случаи. И здесь может произойти такое же. Давайте заключим пари на небольшую сумму.

Я покачал головой.

— Она еще проживет годы и годы.

— А все-таки поспорим. Тысяча пятьсот против одного, что эта дама умрет до рождества,— ну, как?

— Раньше. Я не могу ждать. Бывают обстоятельства...

Я начал бормотать, что жена грозится пойти к Гермии, что я не могу ждать. Я убеждал его, что дело крайне срочное.

— Тогда все немного меняется,— сказал он.— Скажем, так: тысяча восемьсот против одного, что через месяц вашей жены не будет. У меня такое предчувствие.

Я подумал, что с ним надо торговаться, и стал торговаться. Сказал, что у меня нет таких денег. Но он не желал уступать.

Наконец это фантастическое пари было заключено.

Я подписал какое-то обязательство. В нем было слишком много юридических терминов, чтобы я мог его понять.

— Юридически это к чему-нибудь обязывает? — спросил я.

— Не думаю,— ответил мистер Брэдли.— Пари есть пари. И если проигравший не платит...

Я посмотрел на него.

— Не советую,— сказал он тихо.— Нет, не советую. Не стоит бегать от долгов.

— А я и не собираюсь,— ответил я.

— Я в этом уверен, мистер Истербрук. Теперь о деталях. Вы говорите, миссис Истербрук живет в Лондоне. Где именно?

— А вам это необходимо знать?

— Я должен знать все. Дальше мне надо будет устроить вам свидание с мисс Грей — вы ведь помните мисс Грей?

Я сказал: да, я помню мисс Грей.

— Так вот. Ей понадобится какая-нибудь вещь вашей жены, из тех, которые она носит,— перчатка, носовой платок или еще что-нибудь...

— Но зачем? Чего ради?

— Не спрашивайте меня зачем. Я сам не знаю. Мисс Грей не открывает своих секретов.

— Но что же происходит? Что она делает?

— Поверьте, мистер Истербрук, я ничего не знаю, больше того, я ничего не хочу знать. Вот так.

Он помолчал и потом продолжал совсем по-отечески:

— И мой вам совет, мистер Истербрук. Повидайтесь с женой. Успокойте ее, дайте ей понять, будто подумываете о примирении. Скажите, что едете на несколько недель за границу, но по возвращении... и так далее, и так далее...

— А потом?

— Прихватите какую-нибудь мелочь из ее одежды и поезжайте в Мач Дипинг.

Он помолчал, раздумывая.

— Вы мне, кажется, говорили, у вас там неподалеку живут друзья или родственники.

— Двоюродная сестра.

— Тогда все очень просто. Вы сможете у нее остановиться на денек-другой.

— А где там обычно останавливаются? В местной гостинице?

— Наверно. Или приезжают на машине из Борнемута. Что-то в этом роде. Мне ведь толком не известно.

— А что подумает моя двоюродная сестра?

— Скажите, будто вас интересуют обитательницы «Белого Коня». Вы хотите побывать у них на сеансе. Хоть и ерунда, а вам интересно. Это очень просто, мистер Истербрук.

— А-а потом?

Он покачал головой, улыбаясь.

— Больше я вам ничего не могу сказать. А на это время поезжайте за границу.

Я сказал, что не хочу ехать за границу, хочу остаться в Англии.

— Но только не в Лондоне.

— Почему?

Мистер Брэдли посмотрел на меня с укоризной.

— Клиентам гарантируется полная безопасность, только если они безоговорочно подчиняются.

— А Борнемут? Борнемут подойдет?

— Подойдет. Остановитесь в отеле, заведите себе знакомых, пусть все вас видят в их компании. И — безупречная жизнь.

Он говорил, словно агент из бюро путешествий.

А потом мне пришлось снова пожать пухлую руку.

Глава XVII

Рассказывает Марк Истербрук

1

— Ты и вправду будешь у Тирзы на сеансе? — спросила Роуда.

— А почему бы и нет?

— Не думала, Марк, что тебя такое интересует.

— Да не очень,— честно признался я.— Но они сами такие чудные. Любопытно посмотреть на их обряд.

— Я пойду с тобой,— весело предложила Роуда.— Мне тоже всегда хотелось посмотреть.

— Никуда ты, Роуда, не пойдешь,— проворчал Деспард.

Роуда рассердилась, но делать было нечего.

В тот же день мы встретили, гуляя, Тирзу Грей.

— Привет, мистер Истербрук, мы вас ждем к себе вечером.

— Я тоже хотела прийти,— сказала Роуда.— Но меня Хью не пускает. Он против.

— А я бы вас и не приняла,— ответила Тирза.— Хватит и одного зрителя.

Она кивнула нам, улыбнулась и удалилась быстрым шагом. Я смотрел ей вслед и не слышал, как Роуда обратилась ко мне.

— Прости, что ты сказала?

— Я говорю, ты какой-то странный последнее время. Что-нибудь случилось? Не ладится с книгой?

— С книгой,— я сперва не мог понять, о какой она книге.— Ах, с книгой. С книгой все хорошо.

— По-моему, ты влюблен. Странно, женщины от любви хорошеют, а мужчины выглядят, как больные овцы.

— Спасибо! — сказал я.

— Не обижайся, Марк. Она, правда, очень мила.

— Кто мил?

— Гермия Редклифф, кто же еще? И так тебе подходит.

Роуда добавила, что пойдет задаст перцу мяснику, а я сказал, что загляну к пастору.

— Но только не подумай, будто я собираюсь просить его об оглашении брака,— внушительно закончил, предупреждая возможные комментарии.

2

Миссис Колтроп встретила меня в дверях. Мы прошли в ту же комнату, где я уже разговаривал с ней, и она спросила:

— Ну? Что вам удалось сделать?

Судя по ее деловитому тону, можно было подумать, что мы собираемся на ближайший поезд.

Я рассказал ей. Я рассказал ей все.

— Сегодня? — спросила миссис Колтроп задумчиво.

— Да.— И тут я выпалил:— Как мне все это не по душе! Как не по душе! Я так боюсь за нее.

Она посмотрела на меня ласково:

— Ну, какой они могут ей причинить вред, какой?

— Но ведь причиняли же они другим. У вас есть телефон?

— Конечно.

— После этой... этой истории сегодня вечером мне нужно будет поддерживать с Джинджер связь. Звонить ей каждый день. Можно от вас?

— Конечно. У Роуды слишком людно в доме.

— Я немного поживу у Роуды, а потом, наверно, поеду в Борнемут. Мне не разрешили возвращаться в Лондон.

3

В «Белом Коне» меня встретили совсем обычно.

Тирза Грей в простом платье из темной шерсти открыла дверь и сказала: «А, это вы. Заходите. Сейчас будем ужинать».

Стол был накрыт для ужина. Подали суп, омлет и сыр. Прислуживала Белла. На ней было черное платье, и она еще больше напоминала персонаж с картины какого-нибудь примитива. Сибил имела вид более экзотический. Она облачилась в длинный наряд с узором

из павлиньих перьев, кое-где пробивалась золотая нить. Бус она на сей раз не надела, но зато запястья ее охватывали толстые золотые браслеты. Она почти не ела. Разговаривала с нами как бы издалека. Это должно было, видимо, производить на окружающих впечатление, но на самом деле выглядело надуманно и театрально.

Тирза Грей овладела разговором — болтала о деревенских делах. В этот вечер она была типичной английской старой девой, милой, деловитой, интересующейся только местными сплетнями.

Я думал про себя, что сошел с ума. Чего бояться? Даже Белла в этот вечер казалась полоумной старухой крестьянкой, неграмотной и тупой, как сотни других ей подобных.

Мой разговор с миссис Колтроп представлялся мне теперь невероятным. Мысль о том, что Джинджер — Джинджер с выкрашенными волосами и чужим именем — в опасности, а эти три обычные женщины могут ей причинить вред, была просто смешна.

Ужин кончился.

Тирза встала со своего места.

— Сибил?

— Да,— ответила Сибил, придавая лицу выражение экстаза и отрешенности.— Мне надо приготовиться...

Белла убирала со стола.

— Пора начинать,— сказала Тирза деловым тоном.

Я последовал за ней в перестроенный амбар.

Вечером амбар выглядел по-иному. Лампы не были зажжены. Скрытый светильник давал холодный, рассеянный свет. Посредине стояло нечто вроде дивана. Он был накрыт пурпурным покрывалом, расшитым кабалистическими знаками.

По одну сторону комнаты виднелось что-то напоминавшее бронзовую жаровню, и рядом с ней — большой медный таз, на вид очень старый.

По другую сторону почти у самой стены я увидел массивное кресло с дубовой спинкой. Тирза указала мне на него.

— Садитесь здесь,— сказала она.

Я послушно сел. Она стала надевать длинные рукавицы, сделанные, похоже, из средневековой кольчуги.

— Нужно принимать меры предосторожности,— сказала она.

Эта фраза показалась мне какой-то зловещей.

Затем она обратилась ко мне.

— Я должна предупреждить вас — сохраняйте полную неподвижность. Ни в коем случае не двигайтесь. Это не игрушки. Я вызываю силы, которые опасны для тех, кто не умеет ими управлять.

Помолчав, она добавила:

— Вы принесли то, что вам сказали?

Не отвечая ни слова, я достал из кармана коричневую замшевую перчатку и протянул ей.

— Очень подходит,— сказала она, поглядев на перчатку.— Физические эманации владелицы достаточно сильны.

Она положила перчатку на какой-то аппарат, напоминавший большой радиоприемник. Потом позвала:

— Белла, Сибил. Мы готовы.

Сибил вошла первая. Она легла на диван.

Тирза выключила часть света.

— Вот так. Белла!

Белла появилась из тени. Они с Тирзой подошли ко мне и взяли меня за руки: Тирза — за левую, Белла — за правую.

Послышалась музыка. Я узнал похоронный марш Мендельсона. Потом музыка смолкла.

И вдруг заговорила Сибил. Но не своим, а низким мужским голосом.

— Я здесь,— сказал голос.

Женщины выпустили мои руки. Белла скользнула в темноту. Тирза проговорила:

— Добрый вечер. Это ты, Макэндал?

— Я — Макэндал.

— Готов ли ты, Макэндал, повиноваться моим желаниям и воле?

— Да,— ответил низкий голос.

— Готов ли ты защитить тело, лежащее здесь, от опасности? Готов ли ты отдать его жизненные силы на выполнение моей цели?

— Готов.

— Готов ли ты отдать это тело на волю смерти, чтобы смерть прошла через него к другому существу?

— Смерть должна вызвать смерть. Да будет так.

Тирза отступила. Вошла Белла с распятием в руках. Тирза положила распятие вверх ногами на грудь Сибил. Белла протянула Тирзе маленький зеленый бокал. Тирза вылила из него несколько капель Сибил на лоб, сказав мне:

— Святая вода из католической церкви в Карсингтоне.

Наконец она принесла отвратительную погремушку, которую мы видели у нее в первый раз, и трижды тряхнула ею.

После этого она произнесла своим обычным голосом:

— Все готово.

Белла откликнулась:

— Все готово.

Она вышла из комнаты и вернулась с белым петушком в руках. Петушок вырывался.

Она встала на колени, посадила петушка в таз возле жаровни и начала чертить мелом на полу какие-то фигуры. Затем зажгла огонь в жаровне и что-то туда бросила. Я почувствовал тяжелый приторный запах.

— Мы готовы,— повторила Тирза.

Она подошла к аппарату, который я сначала принял за радиоприемник, подняла крышку, и я увидел, что это какой-то электрический прибор сложной конструкции.

Тирза наклонилась над ним и стала крутить ручки, бормоча:

— Компас северо-северо-восток, градусы... так, вроде верно.

Она взяла перчатку и положила ее в аппарат. Потом, обратившись к распростертому на диване телу, проговорила:

— Сибил Диана Хелен, ты свободна от своей бренной оболочки, которую Макэндал зорко охраняет. Ты свободна и можешь слиться воедино с владелицей перчатки. Как у всех человеческих существ, у нее одно стремление в жизни — умереть. Смерть — единственный выход. Смерть решает все. Только смерть несет покой. Это знали все великие. Вспомни Макбета. Вспомни Тристана и Изольду. Любовь и смерть. Но смерть величественнее...

Я вдруг перепугался — аппарат, как они его используют? Может, он испускает какие-то лучи, которые влияют на клетки мозга? И вдруг он настроен на определенный мозг?

Тирза бормотала:

— Слабое место... Всегда есть слабое место... Из слабости сила — сила смерти... К смерти — естественное стремление. Тело повинуется мозгу. Управляй телом, мозг. Устремляй его к смерти. Смерть победительница... смерть... смерть... СМЕРТЬ!

И тут Белла испустила животный крик. Она вскочила, блеснул

нож, петушок закричал, забился... В медный таз закапала кровь. Белла подбежала с тазом к Тирзе, крича.

— Кровь... кровь... КРОВЬ!

Тирза вытащила перчатку из аппарата. Белла взяла ее, обмакнула в кровь, возвратила Тирзе, которая положила ее обратно.

Меня затошнило. Кружилась голова.

Послышалось щелканье, шум машины стих.

Затем до меня донесся голос Тирзы, уже спокойный и ясный:

— Магия, старая и новая. Древняя вера, новые познания науки. Они победят.

Глава XVIII

Рассказывает Марк Истербрук

— Ну, что там было? — с любопытством спросила Роуда за завтраком.

— Обычные штучки,— небрежно отвечал я.

— Пятиугольники рисовали?

— Сколько хочешь.

— А белые петухи были?

— Конечно. Этим занимается Белла.

— А трансы и так далее?

— В наилучшем виде.

— Похоже, тебе это показалось неинтересным,— сказала она разочарованно.

Я ответил:

— Вообще-то все было мерзко.

— А почему тебе так хотелось побывать у них на сеансе?

Я пожал плечами.

— Просто меня занимают эти три женщины. Хотелось взглянуть на их представление.

После завтрака я направился к миссис Колтроп.

Дверь была открыта, хотя в доме, казалось, никого не было.

Я отыскал маленькую комнату, где находился телефон, и позвонил Джинджер.

Казалось, прошла целая вечность, пока ее голос мне ответил:

— Слушаю!

— Джинджер!

— А, это вы. Что случилось?

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. А почему вы спрашиваете?

У меня словно гора свалилась с плеч.

С Джинджер ничего не случилось; привычный задор в голосе совсем успокоил меня. Как мог я поверить, что какой-то бред, тарабарщина подействует на такого здорового и разумного человека, как Джинджер!

— Ну, я думал, вдруг что-нибудь вам приснилось,— промямлил я.

— Ничего мне не снилось. Я даже возмущалась, что ничего со мной не происходит.

Мне стало смешно.

— Ну-ка, рассказывайте,— приказала Джинджер,— что там было.

— Ничего особенного. Сибил легла на пурпурный диван и впала в транс.

— Правда? Какая прелесть! А что делала Белла?

— Очень было противно. Белла зарезала белого петушка, и они обмакнули вашу перчатку в кровь.

— О-о-о, гадость. А что еще?

— Тирза не поскупилась на всевозможные штучки. Вызвала дух — зовут его вроде Макэндал. Еще были притушенный свет и заклинания. Все это может, однако, производить впечатление, найдутся люди, которых этак можно и напугать.

— А вы не испугались?

— Белла меня несколько ошарашила — у нее был такой огромный нож, я боялся, как бы не пойти по стопам петуха в качестве второго жертвоприношения.

— А больше вас ничто не устрашило? — настаивала Джинджер.

— На меня такие вещи не действуют.

— А почему у вас стал такой обрадованный голос, когда я сказала, что все в порядке?

— Потому что...— я замолчал.

— Да?

— Просто они, то есть Тирза, казалось, так уверены в результатах.

Джинджер издала недоверчивое восклицание и спросила:

— Что же мы теперь будем делать? Мне надо здесь остаться еще на недельку-другую?

— Если вы хотите, чтобы я содрал сотню фунтов с мистера Брэдли, то — да.

— Сдерете непременно. Вы поживете у Роуды?

— Немного. А потом поеду в Борнемут. Я звоню из дома пастора.

— Как миссис Колтроп?

— Великолепно. Я ей, кстати, все рассказал.

— Я это поняла.

— Что думают у вас на работе?

— Что я поехала отдохнуть.

— Никакие подозрительные типы к вам не наведывались?

— Нет. Только фургонщик с молоком, электрик — снимал показания со счетчика, еще одна женщина — она спрашивала, какие патентованные лекарства и косметику я предпочитаю, еще меня просили подписать призыв о запрещении ядерного оружия, и одна женщина приходила за пожертвованиями на слепых.

— С виду все это весьма безобидно,— отметил я.

— А чего вы ожидали?

— Сам не знаю.

— Да! Еще был один посетитель,— сказала Джинджер.— Ваш приятель доктор Корриган. Очень мил.

— Наверно, его прислал Лежен.

— Он зашел подбодрить соплеменницу. Вперед, клан Корриганов!

Я повесил трубку, успокоенный.

Когда я пришел домой, Роуда возилась около террасы со своей собакой — пичкала ее каким-то лекарством.

— Ветеринар только что ушел,— сказала Роуда.— Велел выводить у собаки глистов. Спокойно, Шейла, не вертись. От этого лекарства у них выпадает шерсть. Остаются проплешины, но потом они зарастут.

Я предложил Роуде помощь, получил отказ, обрадовался и снова отправился бродить.

Глава XIX

Рассказывает Марк Истербрук

1

На следующее утро я позвонил Джинджер и сказал, что переезжаю завтра в Борнемут.

— Я нашел чудесный маленький отель, называется почему-то «Олений Парк». В нем есть удобный выход, которым никто не пользуется. Я смогу через него незаметно прокрадываться и приезжать к вам в Лондон.

— Лучше не надо, по-моему. Но должна сказать, что было бы здорово. Так здесь тоскливо одной. Не представляете!

Неожиданно я почувствовал неладное.

— Джинджер! Что это у вас какой голос — не такой, как всегда...

— Да нет, я в полном порядке. Не волнуйтесь.

— А почему такой голос?

— Просто у меня начинается небольшая ангина.

— Джинджер!

— Слушайте, Марк, кто угодно может заболеть ангиной. Я, кажется, простудилась. Или легкий грипп.

— Грипп? Послушайте, скажите правду, что с вами?

— Да не волнуйтесь. Все прекрасно.

— А почему вы сказали про грипп?

— Понимаете... Ну, как-то всю меня ломит, и вообще...

— Температура?

— Ну, может, совсем невысокая...

Я сел, и меня охватило страшное леденящее чувство. Я испугался. И я понимал, хоть Джинджер ни за что не признается, ей тоже страшно.

Она снова заговорила простуженным голосом:

— Марк, без паники. Нет никаких причин.

— Может, и нет. Но мы должны срочно принять меры. Позовите своего врача. Сейчас же.

— Ладно. Только он будет недоволен, что я его тревожу по пустякам.

— Неважно. Позовите. И потом позвоните мне.

Я положил трубку и долго сидел, уставившись на телефон. Только не поддаваться. В такое время года повсюду грипп. Может, это легкая простуда.

Я вспомнил Сибил в ее павлиньем наряде. Повелительный голос Тирзы... Беллу с петушком в руках.

Вздор, какой вздор... Конечно, это суеверный вздор.

Но аппарат — я почему-то не мог отделаться от мысли об этом аппарате. Аппарат — это уже не суеверие, это наука. Но неужели такое возможно, неужели?

Миссис Колтроп нашла меня у телефона — я так и не мог сдвинуться с места.

— Что случилось? — тотчас же спросила она.

— Джинджер заболела.

Я хотел услышать, что все это ерунда. Я хотел, чтобы она меня разубедила. Но она только сказала:

— Дело скверное.

— Но ведь это невозможно.

— Они своего добиваются,— сказала миссис Колтроп.— И надо смотреть правде в глаза. В чем-то они и шарлатанят. Создают необходимую атмосферу. Но за этим шарлатанством прячется нечто реальное.

— Вроде радиоактивных лучей?

— Наверно. Все время делаются новые открытия, а у Тирзы отец был физик.

— Но в чем же все-таки дело? Наверно, этот чертов аппарат. Надо его осмотреть. Может, полиция?

— Полиция не будет делать обыск на таких основаниях.

— А что, если я проберусь к Тирзе и разобью этот чертов ящик?

Миссис Колтроп покачала головой.

— Вред уже причинен, и причинен, если это так, в тот самый вечер.

Я уронил голову на руки и застонал.

— Зачем я только ввязался в эту жуткую историю!

Миссис Колтроп ответила очень твердо:

— У вас были благородные побуждения. А что сделано, то сделано. Скоро, наверно, Джинджер позвонит Роуде и расскажет, что говорит доктор...

Я понял намек.

— Ну тогда я пошел.

И вдруг миссис Колтроп воскликнула:

— Как мы глупо себя ведем! Шарлатанство! Верим в шарлатанство! Хочешь не хочешь, а мы воспринимаем его так, как это нужно им.

Возможно, она была права. Но я уже ничего не мог с собой поделать.

Джинджер позвонила через два часа.

— Врач был,— сказала она.— Удивлялся чему-то, но потом решил — грипп. Сейчас все кругом болеют. Велел мне лежать, сам пришлет лекарства. Температура поднялась. Но ведь при гриппе всегда температура?

Сквозь привычный задор в голосе Джинджер слышались тоскливые нотки.

— Вы скоро поправитесь,— отвечал я уныло.— Слышите? Скоро поправитесь. Очень вам плохо?

— Ну... лихорадит, всю ломит, все болит, ноги, руки. И такой жар...

— Это от температуры, дорогая моя. Слушайте, я сейчас приеду. Сейчас же. И не возражайте.

— Хорошо. Я так рада, Марк, что вы приедете. Не очень-то я на поверку храбрая..

2

Я позвонил Лежену.

— Миссис Корриган больна,— сказал я.

— Что?

— Вы же слышали. Больна. Вызывала своего врача. Он сказал, возможно, грипп. Может, да. А может, нет. Не знаю, что вы могли бы сделать. Единственное, пожалуй, это найти какого-нибудь специалиста.

— Какого специалиста?

— Психиатра, психоаналитика или психолога. Специалиста по внушению, гипнозу и так далее. Ведь есть же люди, которые этим занимаются?

— Конечно, есть. По-моему, вы совершенно правы. Возможно, это просто грипп. Но вдруг действительно какая-то психоистория, о них ведь так мало известно. Послушайте, Истербрук, а вдруг это поможет нам все раскрыть?

Я швырнул трубку. Возможно, мы и узнали о новом психологическом оружии, но меня сейчас заботила только Джинджер, отважная и напуганная. Началось как игра в полицейских и воров. Но, видно, это вовсе не игра.

«Белый Конь» — страшная реальная сила.

Я уронил голову на руки и застонал.

Глава XX

Рассказывает Марк Истербрук

Наверное, мне никогда не забыть эти несколько дней. Они мне представляются каким-то сумасшедшим калейдоскопом. Джинджер перевезли в частную клинику. Я получил разрешение навещать ее только в приемные часы.

Ее доктор не понимал, из-за чего весь этот шум. Диагноз был совершенно ясный — бронхопневмония, осложнение после гриппа, есть какие-то непонятные симптомы, но это бывает нередко. Нет, случай типичный. Антибиотики на некоторых не действуют.

И все, что он говорил, действительно было правдой. Джинджер заболела воспалением легких. Ничего таинственного здесь нет. Болезнь в тяжелой форме.

Я встретился с одним специалистом-психологом. Он задавал мне бесчисленные вопросы и кивал с ученым видом, когда я отвечал. Он пытался лечить Джинджер гипнозом, но толку не вышло.

Я избегал друзей и знакомых, хоть одиночество и было для меня мучительным.

Наконец в приступе отчаяния я позвонил Пэм в ее цветочную лавку. Не согласится ли она пообедать со мной? Пэм согласилась с удовольствием.

Мы поехали в «Фэнтази». Пэм весело тараторила, и мне стало легче. Но пригласил я ее не только за этим. Нагнав на нее сладостную полудрему вкусной едой и вином, я начал исподволь подбираться к главному. Мне казалось, Пэм знает что-то, чего не знаю я. Я спросил ее, помнит ли она мою приятельницу Джинджер. Пэм ответила «Конечно», широко раскрыла голубые глаза и спросила, где Джинджер сейчас.

— Она очень больна,— ответил я.

— Бедняжка.

Пэм выказала все участие, на которое была способна,— не очень-то большое, кстати.

— Она впуталась в какую-то историю,— сказал я.— По-моему, она с вами об этом советовалась. «Белый Конь». Стоило ей огромных денег.

— О! — воскликнула Пэм,— раскрыв глаза еще шире.— Значит, это были вы?

Сначала я не понял. Потом сообразил, что Пэм отождествляет

меня с человеком, чья больная жена стоит у Джинджер на пути к счастью. Она так заинтересовалась, что даже «Белый Конь» ее не испугал.

— Ну и как? Помогло?

— Все вышло не совсем удачно. Обратилось против самой Джинджер. Мы слышали о таких исходах прежде?

Пэм не слышала.

— Но заболеть и умереть должна была ваша жена, так ведь?

— Да,— сказал я, смирившись с ролью, которую Джинджер и Пэм мне отвели.— Но вышло наоборот. Вы слышали о чем-нибудь таком раньше?

— Ну, не совсем о таком.

— А о чем?

— Да просто, если человек не заплатит... Я одного знала, он не стал платить.— Она перешла на испуганный шепот.— Его убило в метро — упал на рельсы, когда подходил поезд.

— Но, может, это несчастный случай.

— О нет,— отвечала возмущенная моими словами Пэм.— Это — ОНИ!

Я подлил Пэм шампанского.

Самое нелепое, что я не знал, как ее расспрашивать. Скажу что-нибудь не то, и она спрячется, как улитка в раковину, тогда больше ни слова не добьешься.

— Моя жена все болеет, но хуже ей не стало,— сказал я.

— Ужасно! — сочувственно откликнулась Пэм, потягивая шампанское.

— Что же мне теперь делать?

Пэм не знала.

— Понимаете, обо всем договорилась Джинджер, я сам ничего не делал. К кому мне теперь обращаться?

— Куда-то в Бирмингам,— ответила Пэм неуверенно.

— Они теперь там уже закрыли контору,— сказал я.— Вы кого-нибудь еще знаете?

— Эйлин Брэндон, может быть, и знает, но не думаю.

Я спросил, кто такая Эйлин Брэндон.

— Ужасное чучело. Прилизанная голова. Туфель на гвоздиках никогда не носит. Никакая.

Пэм пояснила дальше.

— Я с ней вместе училась в школе. Она и тогда была неинтересная. Географию здорово знала.

— А что у нее общего с «Белым Конем»?

— Ничего. Просто ей там что-то показалось. И она ушла.

— Откуда ушла?

— Из УСП.

— Что за УСП?

— Да я толком не знаю. Просто так называется — УСП. Что-то про потребителей. Не то учет. Не то расчет. Просто маленькая контора.

— А Эйлин Брэндон у них работала? Какая у нее была работа?

— Ну, ходила и расспрашивала — про зубную пасту, про газовые плиты, какими кто губками моется. Скука. Не все ли равно?

— Наверно, УСП не все равно.

Я почувствовал легкое волнение.

Женщина, которая исповедалась отцу Горману в ту ночь, тоже работала в подобной конторе. И кто-то в этом роде побывал у Джинджер на ее новой квартире.

Тут есть какая-то связь.

— А почему она ушла из этой конторы? Работа неинтересная?

— По-моему, нет. Они хорошо платят. Просто ей стало казаться, будто там что-то нечисто.

— Ей показалось, что они связаны с «Белым Конем»? Это?

— Да не знаю. В этом роде... В общем сейчас она работает в одном баре на Тоттенхэм Корт Роуд.

— Дайте мне ее адрес.

— Она не ваш тип.

— Я не собираюсь за ней волочиться,— резко ответил я.— Мне нужно кое-что узнать об УСП. Хочу купить акции одной такой фирмы.

— Понимаю,— сказала Пэм, совершенно удовлетворенная моими объяснениями.

Больше из нее ничего нельзя было вытянуть, мы допили шампанское, я отвез ее домой и поблагодарил за чудесный вечер.

Утром я пытался дозвониться Лежену, но безрезультатно. Однако с великими трудностями я поймал Джима Корригана.

— Что сказал этот психологический деятель, которого вы приводили к Джинджер?

— Разные длинные слова. По-моему, Марк, он сам ни черта не понял. А воспалением легких каждый может заболеть — ничего в этом таинственного нет.

— Да,— ответил я.— И несколько человек из того списка умерли от воспаления легких, опухоли мозга, эпилепсии, паратифа и других хорошо известных болезней.

— Я знаю, вам нелегко. Но что можно сделать?

— Ей хуже?

— Да.

— Значит, нужно действовать.

— Как?

— Есть у меня одна идея. Поехать в Мач Дипинг, взяться за Тирзу Грей, застращать ее до полусмерти и вынудить, чтобы она разбила эти чары.

— Ну что ж, можно попробовать.

— Или я пойду к Винаблзу.

— А при чем тут он? Ведь он же калека.

— Ну и что? Он безмерно богат. Выяснил Лежен, откуда такие деньги?

— Нет. Не совсем... Это я должен признать. И что-то в нем не то. Чувствуется, у него какое-то темное прошлое. Но все его доходы законны. Полиция давно прощупывает Винаблза. Но его не так легко раскусить. А вы думаете, он глава этого предприятия?

— Да. По-моему, он у них руководит.

— Но ведь не мог он сам убить отца Гормана!

Я помолчал.

— Алло! Что же вы замолчали?

— Задумался... Пришла в голову одна идея...

— Какая?

— Еще не совсем разобрался... Не совсем продумал... Как бы то ни было, мне пора идти. У меня свидание в одном кафе.

— Не знал, что у вас компания в Челси!

— Никакой компании. Это кафе на Тоттенхэм Корт Роуд.

Я положил трубку и взглянул на часы. И когда я уже был у дверей, телефон зазвонил снова.

— Слушаю.

— Это вы, Марк?

— Да, кто говорит?

— Я, конечно,— ответили с упреком.— Мне нужно кое-что вам сказать.

Я узнал голос миссис Оливер.

— Извините, но я очень тороплюсь. Я вам позвоню попозже.

— Не выйдет,— твердо ответила миссис Оливер.— Придется вам меня выслушать. Дело важное.

Не сводя глаз с часов, я приготовился слушать.

— У моей Милли тонзиллит. Ей стало совсем худо, и она поехала к сестре. И мне сегодня прислали из бюро по найму прислуги женщину. Ее зовут Эдит Биннз — правда, смешно? А вы ее знаете.

— Нет. В жизни не слыхал такого имени.

— Знаете, знаете. Она много лет служила у вашей крестной, леди Хескет-Дюбуа.

— А, вот что.

— Да. Она вас видела, когда вы приходили за картинами.

— Очень приятно, и, по-моему, вам повезло. Она надежная, и честная, и все такое. Тетушка Мин мне говорила. А теперь...

— Подождите. Я еще не сказала самого главного. Она долго распространялась про вашу крестную — и как она заболела, и как умерла, и все прочее, а потом вдруг выложила самое главное.

— Что самое главное?

— Что-то вроде этого: «Бедняжка, как мучилась. Была совсем здорова, и вдруг эта опухоль мозга. И так ее было жалко — прихожу к ней в больницу, лежит, и волосы у нее лезут и лезут, а густые были, такая седина красивая. И прямо клочьями на подушке». И тут, Марк, я вспомнила Мери Делафонтейн. У нее тоже лезли волосы. И вы мне рассказывали про какую-то девушку в кафе, в Челси, как у нее в драке другая девица вырывала целые пряди. А ведь волосы так легко не вырвешь, Марк. Попробуйте-ка сами. Ничего не выйдет. Это не просто — может, новая болезнь? Что-то это да значит.

Я ухватился за трубку, и у меня все поплыло перед глазами. Факты, полузабытые сведения стали на свои места. Роуда со своей собакой, статья в медицинском журнале, читанная давным-давно. Конечно... конечно.

Я вдруг услышал, что квакающий голос миссис Оливер все еще доносится из трубки.

— Спасибо вам,— сказал я.— Вы — чудо!

Я положил трубку и тут же позвонил Лежену.

— Слушайте,— спросил я.— У Джинджер сильно лезут волосы?

— По-моему, да. Наверно, от высокой температуры.

— Температура, как бы не так. У Джинджер таллиевое отравление. И у остальных было то же самое. Господи, только бы не слишком поздно...

Глава XXI

Рассказывает Марк Истербрук

1

— Не опоздали мы? Ее спасут?

Я ходил из угла в угол.

Лежен наблюдал за мной. Он проявлял большое терпение и доброту.

— Будьте уверены, делается все возможное.

Один и тот же ответ. Меня он не успокаивал.

— А им известно, как лечить таллиевое отравление...

— Случай не частый, но все меры будут приняты. Уверен — она выкарабкается.

Я взглянул на него. Искренне ли он говорит? Или просто пытается меня утешить?

— Во всяком случае, подтвердилось, что это таллий?

— Да, это подтвердилось.

— Вот вам и вся правда про «Белого Коня». Яд. Не колдовство, не гипноз, не смертоносные лучи. Отравители! И как она меня обвела вокруг пальца! А сама, видно, в душе посмеивалась.

— О ком вы?

— Тирзе Грей. Как все лихо придумано. Транс, белые петушки, жаровня, пятиугольники и распятие вверх ногами — это для суеверных простаков. А знаменитый аппарат — для просвещенных. Мы теперь в духов, ведьм и чары не верим, но разеваем рот, когда речь заходит про «лучи», «волны» и психологию. Аппарат, наверно, просто моторчик с лампочками и гудит себе, когда надо. Постоянно слышим о радиоактивных осадках, стронции-90 и тому подобном, верим научным выкладкам. А «Белый Конь» — обычное шарлатанство. Да к тому же они в полной безопасности. Тирза Грей могла сколько угодно похваляться своим могуществом. К суду бы ее за это не привлекли. А если проверить аппарат, он окажется безобидной машинкой. Любой суд отклонил бы против них обвинение — ведь с виду это вздор, выдумка.

— По-вашему, они все знают, что делают?

— Мне кажется, нет. Белла верит в колдовство. Сибил — дура, она во всем повинуется Тирзе.

— А Тирза руководит?

Я сказал медленно:

— Что касается самого «Белого Коня» — да. А настоящий руководитель прячется за сценой. Он все организует. У каждого свое дело, и никто не знает точно обязанностей остальных. Брэдли заправляет денежной стороной. Ему, конечно, хорошо платят, и Тирзе — тоже.

— Как вы все разложили по полочкам,— сухо заметил Лежен,— А что навело вас на мысль о таллии?

— Неожиданные совпадения. Началом всей истории была любопытная сценка в баре в Челси. Девицы дрались, одна у другой вырывала волосы. А та сказала: «И ничуть не было больно». Так оно и есть, больно не было.

Я читал однажды статью о таллиевом отравлении. Массовые отравления рабочих на каком-то заводе, люди умирали один за другим. И врачи устанавливали, я помню, самые разные причины: и паратиф, и апоплексические удары, паралич, эпилепсия, желудочные заболевания, что угодно. Симптомы самые различные: начинается со рвоты или с того, что человека всего ломит, болят суставы — врачи определяют полиневрит, ревматизм, полиомиелит. Иногда наблюдается сильная пигментация кожи.

— Да вы прямо настоящий терапевтический справочник.

— Еще бы. Начитался. Да, но есть симптом, общий для всех случаев. Выпадают волосы. Таллий одно время прописывали детям от глистов. Но затем признали это опасным. Иногда его прописывают, как лекарство, но тщательно выясняют дозу, она зависит от веса пациента. Теперь им травят крыс. Этот яд не имеет вкуса, легко растворим, всюду продается. Нужно лишь одно — чтобы не заподозрили отравления.

Лежен кивнул.

— Совершенно верно,— сказал он.— Потому на вилле «Белый Конь» требовали, чтобы убийца держался подальше от жертвы. И подозрений не возникает. А дело делает кто-то еще, у кого с жертвой нет никаких связей. Какое-то лицо, которое появляется всего лишь один раз.

Он замолчал.

— Ваши соображения на этот счет?

— Всего лишь одно. В каждом случае фигурирует совершенно безвредная на вид женщина с анкетой, выясняющая спрос на товары повседневного потребления.

— По-вашему, она и есть отравительница? Оставляет яд в каких-нибудь образцах?

— Наверно, это не так просто,— ответил я.— Мне кажется, эти женщины ни о чем не ведают и действительно выполняют свою работу. Я думаю, кое-что нам удастся выяснить, если мы побеседуем с одной дамой по имени Эйлин Брэндон.

2

Пэм довольно верно описала Эйлин Брэндон, если учесть вкусы самой Пэм. Прическа Эйлин действительно не напоминала ни хризантему, ни воронье гнездо. Волосы были гладко зачесаны, губы подмазаны чуть-чуть, а на ногах удобные туфли. Муж у нее погиб в автомобильной катастрофе, сказала она нам, осталось двое маленьких детей. До этого бара она работала около года в одной фирме под названием «Учет спроса потребителей». Ушла оттуда — работа ей не нравилась.

— Почему не нравилась, миссис Брэндон?

Вопрос задал Лежен. Она посмотрела на него.

— Вы полицейский инспектор? Так ведь?

— Да, миссис Брэндон.

— Вам кажется, с этой фирмой не все в порядке?

— Этим вопросом я сейчас и занимаюсь. Вы что-нибудь заподозрили? Поэтому вы оттуда ушли?

— Я не могу вам сказать ничего определенного.

— Безусловно. Это понятно. Но вы можете сказать, почему вы ушли оттуда?

— Мне казалось, там все время что-то происходит, а что — я не могла понять.

— То есть, на самом деле там занимаются не тем, чем должны?

— Вот, вот. Мне казлось, у фирмы какие-то скрытые цели, только невозможно понять какие.

Лежен задал ей еще несколько вопросов, непосредственно касающихся ее работы. Ей вручали список фамилий в определенном районе. Она посещала этих людей, задавала вопросы и записывала ответы.

— И что же вы нашли в этом странного?

— Вопросы не преследовали целей учета. Они были бессистемные, даже случайные. Как будто дело вовсе не в них.

— А у вас есть свои предположения, в чем было дело?

— Нет. Я никак не могла в этом разобраться.

— Какими потребительскими запросами вы интересовались?

— Всякими. Иногда продукты. Концентраты, полуфабрикаты, иногда мыльная стружка, дезинфицирующие средства... И иногда косметика — пудра, помада, крем и так далее. Иногда патентованные лекарства — аспирин, таблетки от кашля, снотворное, полоскание, желудочные средства и тому подобное.

— Вас не просили вручать опрашиваемым образцы?

— Нет. Никогда.
— Вы просто задавали вопросы и записывали ответы.
— Да.
— Не казалось ли вам, что среди вопросов многие были просто для отвода глаз и лишь один действительно требовал ответа?
Она подумала и кивнула.
— Да,— сказала она.— Но какой из них, я не могла бы сказать.
Лежен внимательно на нее посмотрел.
— Вы чего-то не договариваете.
— В том-то и дело, что я ничего больше не знаю. Я даже советовалась с другой сотрудницей, была у нас такая миссис Дэвис. Ей тоже многое не нравилось.
— Что же?
— Она что-то случайно услыхала.
— Что?
— Она мне не сказала. Сказала только: «Вся эта контора — лишь вывеска для шайки бандитов. Но нас ведь это не касается. Деньги платят хорошие, закона мы не нарушаем — и нечего нам об этом особенно задумываться».
— И это все?
— Еще она сказала: «Иногда я себя чувствую, как вестник смерти». Я тогда не поняла, что она имеет в виду.
Лежен вынул из кармана записку и подал ей.
— Эти фамилии вам ничего не говорят? Вы кого-нибудь из этих людей не помните?
— Вряд ли. Я стольких видела...
Она прочла список и сказала:
— Ормерод.
— Вы помните Ормерода?
— Нет. Но миссис Дэвис как-то его упоминала. Он скоропостижно умер, кровоизлияние в мозг, кажется? Она почему-то расстроилась. «Я была у него всего неделю назад,— говорит,— и он отлично выглядел». Вот тут она и сравнила себя с вестником смерти. «Некоторые из тех, у кого я бываю, только взглянут на меня — и вскорости им конец». Она даже посмеялась над этим, но тут же добавила, что, конечно, это просто совпадение.
— И все?
— Долгое время я ее не видела, а потом как-то встречаю в ресторанчике в Сохо*. Я ей сказала, что ушла из УСП и работаю в другом месте. Она спросила меня почему, а я ответила, что мне там было не по душе. Она говорит: «Может, вы и правильно поступили». Я спрашиваю: «А что вас-то навело на подозрения?» И она ответила: «Не знаю точно, но, по-моему, я узнала одного человека на днях. Он выходил из дома, где ему совсем нечего было делать, и нес сумку с инструментом. Зачем ему инструменты понадобились, интересно бы знать». Еще она меня спросила, не знаю ли я женщину, владелицу какой-то таверны «Белый Конь», что ли.
Миссис Брэндон добавила:
— Не представляю, кого она имела в виду. Больше я ее с тех пор не видела и не знаю, работает она еще там или нет.
— Она умерла,— сказал Лежен.
Эйлин Брэндон вздрогнула:
— Умерла? Отчего?
— От воспаления легких, два месяца назад.

---

* Район Лондона.

— Бедняжка!
— Больше вы ничего не можете нам рассказать, миссис Брэндон?
— К сожалению, нет. Я слышала, и другие упоминали этого «Белого Коня», но когда, бывало, начнешь расспрашивать, ни слова не добьешься. И видно было, что напуганы.
Она смущенно взглянула на Лежена.
— Инспектор Лежен, мне не хотелось бы ввязываться в опасную историю. У меня двое малышей. Говорю вам честно, больше я ничего не знаю.
Мы распрощались, и когда Эйлин Брэндон ушла, Лежен мне сказал:
— Вот мы и пошли немного дальше. Миссис Дэвис слишком много знала. Она закрывала на все глаза, но у нее были весьма определенные подозрения на этот счет. И вдруг она заболевает и уже при смерти посылает за священником и рассказывает ему все. А самое главное — кого она узнала, кто это выходил из дома, где ему нечего было делать? Куда он приходил под видом рабочего? Вот, наверно, что сделало ее опасным свидетелем. Ведь если она его узнала, и он мог ее узнать и понять, что она его узнала. И если она рассказала обо всем отцу Горману, значит отца Гормана нужно было непременно убрать.
Он взглянул на меня.
— Вы согласны со мной? Видно, все было именно так.
— Да,— сказал я.— Согласен.
— И кто же, по-вашему, этот человек?
— Есть у меня одна мысль, но...
— Знаю. Никаких доказательств.
Он встал.
— Но мы его поймаем,— сказал он.— Можете быть уверены. Если мы узнаем точно, что это он, то сумеем припереть его к стене. Мы посадим на скамью подсудимых всю эту подлую ораву.

Глава XXII

Рассказывает Марк Истербрук

Примерно три недели спустя у ворот «Прайорз Корт» остановилась машина. Из нее вышли четверо. Один был я. Двое других — инспектор Лежен с сержантом полиции Ли. И четвертый, мистер Осборн, который с трудом скрывал радостное волнение от участия в таком важном деле.
— Смотрите, не проговоритесь,— предупредил его инспектор Лежен.
— Конечно, инспектор. Положитесь на меня. Ни слова.
— Смотрите же.
— Это такая честь. Великая честь, разве я не понимаю.
Но никто не стал ему отвечать — инспектор Лежен позвонил в дверь и спросил, можно ли видеть мистера Винаблза.
Мы вошли, словно какая-то депутация.
Если мистер Винаблз и удивился нашему визиту, вида он не показал. Он был исключительно вежлив и приветлив.

— Рад вас видеть, Истербрук. А это инспектор Лежен, если не ошибаюсь? Такие у нас спокойные края, преступлениями не пахнет — и вдруг визит инспектора. Признаюсь, я несколько удивлен. Чем могу служить, инспектор?

— Нам нужна ваша помощь в одном деле, мистер Винаблз.

— В каком же?

— Седьмого октября приходский священник по имени отец Горман был убит на Уэст-стрит в Пэддингтоне*. У меня есть основания полагать, что вы находились неподалеку оттуда между 7.45 и 8.45 вечера. Не имеете ли вы что-нибудь сообщить в этой связи?

— Насколько я могу припомнить, я вообще не бывал в этом районе Лондона. И если память мне не изменяет, вообще не был в Лондоне в тот вечер. Я бываю в Лондоне редко — только если какой-нибудь интересный аукцион или у своего врача.

— Ваш врач — сэр Уильям Дагдейл, если не ошибаюсь?

Мистер Винаблз холодно на него взглянул.

— Вы прекрасно информированы, инспектор.

— Не так хорошо, как может показаться. Однако жаль, что вы не можете мне помочь, я надеялся. Наверно, я должен изложить вам факты, связанные с убийством отца Гормана.

— Пожалуйста, если хотите. Но я это имя слышу впервые.

— Отца Гормана позвали в один туманный вечер к умирающей женщине, что жила неподалеку. Ее вовлекли в преступную организацию сначала без ее ведома, но вскоре кое-что стало у нее вызывать серьезные подозрения. Организация эта совершает по заказу убийства — за солидное вознаграждение, конечно.

— Мысль не новая,— вставил мистер Винаблз.

— Да, но у этой организации новые методы, психологические средства, они стимулируют так называемое «стремление к смерти», которое живет подсознательно у каждого.

— И намеченная жертва услужливо совершает самоубийство?

— Не самоубийство. Намеченная жертва умирает естественной смертью.

— Да бросьте! И вы этому поверили? Не похоже на нашу твердолобую полицию.

— Штаб-квартира этой организации — вилла «Белый Конь».

— А, теперь я начинаю понимать. Вот что привело вас в наши мирные края — наш друг Тирза Грей и вздор, который она проповедует. Неужели вы это воспринимаете всерьез?

— Да, мистер Винаблз.

— И вы, значит, верите: Тирза Грей плетет какую-то суеверную ерунду, Сибил впадает в транс, а Белла творит колдовской обряд — и в результате кто-то умирает?

— Да нет, мистер Винаблз, причина смерти гораздо проще,— он чуть помолчал,— причина смерти — отравление таллием.

— Как вы сказали?

— Отравление солями таллия, только это нужно чем-то прикрыть, а что может быть лучше суеверий, приправленных псевдонаучными и псевдопсихологическими толкованиями?

— Таллий,— мистер Винаблз нахмурился.— По-моему, я о таком и не слышал.

— Не слышали? Широко применяется как крысиная отрава, иногда как лекарство для детей от глистов. Купить очень легко. Между прочим, у вас в сарайчике в саду припрятан целый пакет.

---

* Район Лондона.

— У меня в саду? Откуда? Не может быть.

— Есть, есть. Мы уже сделали анализ.

Винаблз слегка разволновался.

— Кто-то его туда подложил. Я ничего об этом не знаю. Ничего.

— Так ли это? Вы ведь человек со средствами, мистер Винаблз?

— А какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Вам недавно пришлось отвечать на весьма неприятные вопросы, если не ошибаюсь? Об источниках ваших доходов.

— В Англии жизнь становится невозможной из-за налогов. Я последнее время серьезно подумываю перебраться на Бермудские острова.

— Придется вам пока что отказаться от этой мысли, мистер Винаблз.

— Это угроза, инспектор?

— Нет, нет, мистер Винаблз. Просто мое мнение. Вы хотели бы услышать, как действовала эта шайка?

— По-моему, вы твердо намерены мне об этом рассказать.

— Она очень толково организована. Финансовой стороной занимается мистер Брэдли, дисквалифицированный юрист. У него контора в Бирмингаме. Клиенты обращаются к нему и оформляют сделку. Вернее, заключают пари, что кто-то должен умереть к определенному времени. Мистер Брэдли обычно склонен к пессимизму. Клиент сохраняет надежды. Когда мистер Брэдли выигрывает пари, проигравший немедленно платит, а иначе может случиться что-нибудь весьма неприятное. И все, что мистер Брэдли должен делать,— это заключать пари. Просто, не так ли? Затем клиент отправляется на виллу «Белый Конь». Мисс Тирза Грей и ее подружки устраивают спектакль, который обычно оказывает нужное угнетающее воздействие.

А теперь о фактах, которые происходят за сценой.

Какие-то женщины, настоящие служащие одной фирмы,— фирма ведет учет спроса на различные товары,— получают задание обойти с анкетой определенный район. «Какой сорт хлеба вы предпочитаете? Какие предметы туалета и косметику? Какие слабительные, тонизирующие, успокаивающие, желудочные средства?» И так далее. В наше время привыкли к подобным анкетам. Никто не удивляется. И вот — последний шаг. Просто, смело, безошибочно! Единственное, что глава концерна делает сам. Он может явиться в форме швейцара или под видом электрика — снять со счетчика показания. Он может представиться водопроводчиком, стекольщиком, еще каким-нибудь рабочим. За кого бы он себя ни выдавал, у него всегда есть необходимые документы — на случай, если кто-нибудь спросит. В большинстве случаев никто не спрашивает. Какую бы личину он ни надел, настоящая цель у него очень проста — заменить какой-то предмет (а это он решает, посмотрев анкету, которую приносит служащая фирмы) специально подготовленным таким же предметом. Он может постучать по трубам, проверить счетчик, измерить давление воды, но цель у него одна. Сделав свое дело, он уходит, и никогда его больше в тех местах не встречает.

Несколько дней ничего не случается. Но раньше или позже у жертвы появляются симптомы болезни. Вызывают врача, у него нет причин что-либо подозревать. Он может спросить у больного, что тот ел или пил, но предметы, которыми уже годы пользуется больной, подозрений не вызывают.

Видите, как все хитро придумано, мистер Винаблз? Единственный, кто знает главу организации,— это сам глава. Его некому выдавать.

— Откуда же вам так много известно? — приветливо спросил мистер Винаблз.

— Когда человек у нас на подозрении, находятся пути выяснить о нем правду.

— Какие же?

— Ну, не обязательно о всех о них рассказывать. Киноаппарат, например. Разные современные приспособления. Человека можно сфотографировать так, что он и не догадается. У нас, например, есть отличные фотографии швейцара, газовщика и тому подобное. Существуют, конечно, такие вещи, как накладные усы, вставные челюсти, но нашего друга очень легко опознала миссис Истербрук, Кэтрин Корриган и еще одна женщина по имени Эдит Биннз. Вообще очень интересно, как иногда можно узнать человека. Например, вот этот джентльмен, мистер Осборн, готов поклясться под присягой, что видел, как вы шли по пятам за отцом Горманов по Бартон-стрит около восьми вечера седьмого октября.

— Да, видел, видел! — Мистер Осборн задыхался от возбуждения.— Я вас описал, описал точно.

— Пожалуй, даже слишком точно,— сказал Лежен.— Дело в том, что не видели вы мистера Винаблза в тот вечер из дверей своей аптеки. Не стояли вы там вовсе. Вы сами шли по пятам за отцом Горманом и убили его...

Мистер Зэкэрайа Осборн спросил:

— Что?

Челюсть у него отвалилась. Глаза вылезли на лоб.

— Мистер Винаблз, разрешите представить вам мистера Осборна, бывшего владельца аптеки на Бартон-стрит. У вас, может, возникнет к нему личный интерес, если я расскажу вам, что мистер Осборн, который некоторое время находится под наблюдением, был настолько неосторожен, что подбросил пакет таллия к вам в сарай. Не зная о вашей болезни, он пытался изобразить вас злодеем этой драмы, будучи упрямцем — так же, как и глупцом,— отказался признать, что сделал глупость.

Осборн трясся и брызгал слюной.

Лежен внимательно разглядывал его, как рыбу на крючке.

— Перестарались,— сказал он с упреком.— Сидели бы потихоньку у себя в аптеке, может, все и сошло бы вам с рук. И не пришлось бы мне сейчас заявлять вам, как повелевает долг службы: что бы вы ни сказали, будет записано и может быть использовано на суде.

И тут мистер Осборн дико завизжал.

Глава XXIII

Рассказывает Марк Истербрук

— Послушайте, инспектор, у меня к вам тысяча вопросов.

Мы сидели с Леженом, потягивая пиво из больших кружек.

— Да, мистер Истербрук? Удивились?

— Еще бы. Я-то подозревал Винаблза. И вы мне не подали ни намека.

— Нельзя было, мистер Истербрук. В таких вещах нужна осторожность. По правде говоря, у нас особых доказательств не было. Поэтому пришлось устроить это представление с участием Винаблза.

Нужно было втереть очки Осборну, а потом неожиданно сразу броситься на него, чтобы он сознался. И это сработало.

Я кивнул.

— Значит, Винаблз согласился играть роль в вашем спектакле?

— По-моему, это его позабавило.

— А вы сразу заподозрили Осборна?

— Уж очень он всюду лез. Сказал ведь я ему — сидел бы тихо, и нам бы в голову не пришло, что почтенный фармацевт мистер Осборн имеет отношение к убийству отца Гормана.

— Еще один вариант Тирзиной теории — подсознательное стремление к смерти.

— Чем скорее вы забудете о Тирзе, тем лучше,— строго прикрикнул на меня Лежен.

— А как вы его заподозрили?

— А он с самого начала стал врать. Мы просили сообщить, кто в последний вечер видел отца Гормана. Осборн тут же объявился, и его показания были очевидной ложью. Он видел человека, который шел за отцом Горманом,— разглядел через улицу в тумане орлиный нос, ну это еще допустим, но кадык он разглядеть не мог. Конечно, все это могло быть невинным враньем, такое случается нередко. Но мое внимание привлекло, что, видимо, Осборн описывал реального человека, человека, которого он где-то встречал. И лицо по его описанию было необычное. Я думаю, он видел Винаблза в машине в Борнемуте и был поражен его внешностью — если он увидел его в машине, он мог не заметить, что Винаблз — калека.

Затем, мое внимание привлекло то, что он — фармацевт. Я подумал, может, наш список связан с торговлей наркотиками. Я ошибся и тут же забыл бы о мистере Осборне, если бы он сам не лез. Ему хотелось узнать, как идет следствие, и он написал мне, что видел подозреваемого человека в Мач Дипинг. Он все еще не знал, что у Винаблза паралич ног. А когда узнал, тоже не утихомирился, начал сочинять дурацкие теории. Конечно, продумал он все ловко. Брэдли в Бирмингаме, Тирза Грей со своими сеансами в Мач Дипинг. И кто бы заподозрил мистера Осборна, ведь он вроде не был связан ни с Тирзой Грей, ни с Брэдли, ни с жертвой. А механика этого дела для фармацевта — детские игрушки. Только у мистера Осборна не хватило ума держаться в тени.

— А куда он девал деньги? — спросил я.— Ведь в конце концов интересовали-то его деньги.

— Конечно.

— Но что же он делал с деньгами?

— А это очень просто,— сказал Лежен.— Но я догадался только, когда побывал у него в коттедже. Он просто был скупец. Он любил деньги ради денег, не из-за того, что их можно тратить. Коттедж был очень скудно обставлен, и все вещами, которые он по дешевке скупал на аукционах. Он не любил тратить деньги, он любил их копить.

— По-вашему, он их держал в банке?

— О нет,— ответил Лежен.— Наверно, найдем где-нибудь под половицей у него в доме.

Корриган объяснит его поступки неправильной функцией какой-нибудь железы. Я человек без затей — для меня Осборн просто негодяй. И не могу понять, как человек неглупый может так по-дурацки себя вести.

— Представляется,— заметил я,— что за преступными делами всегда стоит зловещая и необычная личность, выдающийся ум.

Лежен покачал головой.

— Вовсе нет. Преступления не может совершать выдающаяся лич-

ность. Никаких суперменов. Преступник всегда ниже, а не выше, чем самый обыкновенный человек.

* * *

В Мач Дининг все по-прежнему дышало покоем.

Роуда опять поила собак лекарством. Я подошел, и она спросила, не хочу ли я ей помочь. Я отказался и спросил, где Джинджер.

— Она пошла на виллу «Белый Конь».

— Что?

— А ей интересно на нее взглянуть.

— Но ведь дом стоит пустой.

— Ну и что?

— Она переутомится. Она еще не в состоянии...

— Перестань, Марк. Джинджер поправилась. Ты видел новую книгу миссис Оливер? Называется «Белый какаду». Там на столе.

— Милая миссис Оливер. И Эдит Биннз.

— Что еще за Эдит Биннз?

— Женщина, которая опознала фотографию. И служила верой и правдой моей крестной.

— Ничего у тебя не поймешь. Что с тобой?

Я не ответил и отправился к «Белому Коню».

По дороге я встретил миссис Колтроп.

Она радостно поздоровалась со мной.

— А я все время понимала, до чего это нелепо,— призналась она.— Поверила в такое шарлатанство. Но просто я не могла во всем толком разобраться. Пойду с вами, посмотрю на Джинджер.

Мы вошли через открытую дверь. Джинджер стояла перед старой вывеской. Она обернулась к нам, когда мы вошли. Она все еще была совсем худая и бледная, вокруг головы шарф — волосы еще не отросли, от прежней Джинджер осталась одна тень. Но в глазах светился обычный задор.

— Мне пора,— засуетилась вдруг миссис Колтроп.— У меня собрание матерей.

Она постояла в дверях, кивнула нам и исчезла.

— Джинджер,— сказал я,— ну, как?

— Что как?

— Ты знаешь, что...

— Пожалуй... Но мне требуется официальное предложение...

Я сделал официальное предложение.

Джинджер спросила:

— А ты уверен, что ты не хочешь жениться на этой своей Гермии?

— Господи! — воскликнул я.— Совсем забыл.

И достал из кармана письмо.

— Получил три дня назад. Она приглашает меня в «Олд Вик» на «Тщетные усилия любви»*.

Джинджер взяла письмо у меня из рук и разорвала его в клочки.

— Если захочешь ходить в «Олд Вик», будешь теперь ходить только со мной,— сказала она тоном, не допускающим возражений.

Перевела с английского **Н. Явно.**

---

* Пьеса Шекспира.

Кристи А.

Вилла «Белый конь».— Ставрополь: Кн. изд-во, 1990.— 78 с.

ISBN 5-7644-0568-8

Два десятка лет не переиздававшийся роман всемирно известного мастера детектива.

Литературно-художественное издание

Агата Кристи

ВИЛЛА «БЕЛЫЙ КОНЬ»

Литературное, художественное и техническое редактирование — кооператив «Контракт»

ИБ № 2707

Сдано в набор 14.12.89. Подписано в печать 14.02.90. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр.-отт. 4,3. Усл.-изд. л. 6,7. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3746. Цена 2 руб. Ставропольское укрупненное книжное издательство, 355017, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3.

Типография издательства «Ставропольская правда», 355045, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.